

Гай Юлий Орловский

Лоджик

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Королевство Тарзалот

Юджин – повелитель времени

Гай Орловский
Королевство Гаргалот

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Орловский Г. Ю.

Королевство Гаргалот / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2015 — (Юджин — повелитель времени)

Парящего над замком дракона можно подстрелить из снайперской винтовки, заговорщиков встретить стрельбой из двух пистолетов «по-македонски», герцогиню уломать и без применения магии, но что применить против паутины дворцовых интриг? Здесь Юджину потребуется нечто, чего у него нет. Например, умения договориться с фрейлинами королевы, которые лучше всех знают тайны двора. Вот только убедить женщину порой труднее, чем дракона. Однако придется постараться...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Орловский Г. Ю., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	52
Глава 11	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Гай Юлий Орловский

Королевство Гаргалот

© Орловский Г. Ю., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Часть первая

Глава 1

Человек убивает легко – одно из первых моих открытий за последнее время. И самое вроде бы потрясающее, но почему-то не потрясшее. Все мы в мечтах уничтожаем недруга, но все остается там же, в грезах. На другой день рассеивается. Да что там день, уже через час, а то и через пару минут говоришь себе что-то успокаивающее и думаешь о другом.

Потому везде мир и гуманизм. И можно поговорить о человеколюбии, хотя наш разум – всего лишь тончайшая пенка на кипящем молоке звериных инстинктов и страстей в глубокой кастрюле черепа.

Но вот я, заполучив такую мощь, могу в реальности творить то, что раньше проделывал только в сладостных мечтах. Натура у меня мягкая, интеллигентная, потому звериная, как и положено человеку. Все это подспудное мигом поднялось с темного дна к поверхности и победно прет на выход, угрожая в ключья разорвать тонкую пленку морали, воспитанности и всего того, что и так легко сбрасываем.

Даже и не знаю, как-то не по себе, хотя и сладостно. Надо бы поковыряться в мировоззрении или в чем-то еще базовом, но в школе этому не учили, а если и учили, кто такую хрень запоминает? Тогда важнее было курнуть на перемене под лестницей да пожмакаться.

В дверь постучали.

– Открыто, – сказал я громко, в закинутой за голову ладони как будто сама по себе возникла тяжелая рукоять пистолета.

Чуть приоткрыв, из коридора вполглаза осторожно заглянул слуга в одежде цветов королевского дворца и с нашитым цветком лилии на левом плече, что дает доступ на все этажи.

– Глерд Юджин, – сказал он торопливо, – ее величество изволит принять вас.

– А-а, – ответил я, – но я вроде бы не добивался аудиенции.

Он сказал чуть строже, уже понял, что не сожру на месте:

– Вас примут немедленно.

– Хорошо, – ответил я со вздохом, – беги. Уже как бы иду.

Он исчез, а я небольшим усилием распылил пистолет, идти с ним глупо, а оставить под подушкой еще глупее, мало ли кто после моего ухода здесь все осматривает.

Спустившись во двор, я собрался двигаться среди прогуливающихся вельмож, но в этом цветном и постоянно перемешиваемом борще тут же мелькнул высокий и сурового облика офицер в металлической кирасе поверх кожаных доспехов, широкоплечий и выпуклогрудый.

Я помахал ему рукой, он моментально поймал меня взглядом, должность такая, решительно двинулся наперехват.

– Глерд, – сказал он первым, приветствуя как более знатного, – вы изволите к ее величеству?

– Руперт, – сказал я с укором, – когда это я туда изволил? Всегда как бычка на веревочке.

– Вы здоровый бычок, – определил он, делая тем самым комплимент. – Вас надо на крепкой цепи. И тащить втроем. Ее величество?

Я сказал с оскорбленным видом:

– А что, меня может вызвать повариха?

– Не может, – заверил он, – даже не знаю, кто вас может... помимо ее величества.

– Так что королева, – подтвердил я, – у нас такая продвинутая демократия, что королева – это все!

Он не стал поправлять, что не королева, а ее величество, некоторых горбатых даже могила не правит, быстро поглядывает по сторонам, всех замечая и все схватывая цепким взглядом, с виду элитный боец, вон на худом костистом лице шрамы и шрамики, но вообще-то его вельможный род идет из глубины веков, когда Нижние Долины еще были не Нижними, а Великими, мог бы не служить, а наслаждаться высоким положением знатного глерда.

– Охрана как? – спросил я.

– Удвоена, – ответил он коротко.

– Из королевской гвардии?

Он покачал головой.

– Нет, взял из казарм. Есть такие, с кем стоял в боях плечо в плечо. Мне нужны надежные, а не... красивые.

Я ухмыльнулся, понимаю, у входа в главное здание красивые гвардейцы королевской стражи лишь смерили меня настороженными взглядами, но Картер кивнул, они послушно отступили в стороны.

Придворные по дороге почтительно кланяются, от улыбок растягиваются лица, как у готовых к броску крокодилов.

– Не отставайте, – велел Картер сухо. – Что-то вы расчерепахились.

– От привольной жизни, – сообщил я.

– Вы только что прибыли!

– А долго ли умеючи...

Никем не задерживаемые, взбежали на королевский этаж, резко отличаясь от важных вельмож, шествующих медленно и степенно. Королевские слуги у двери королевского кабинета переглянулись, один широко распахнул обе половинки, выказывая тем самым, что признает мой высокий ранг.

– Я подожду здесь, – сказал Картер.

Я перешагнул порог, королева у окна задумчиво смотрит во двор, повернулась, лицо бледное и усталое, в глазах тревога.

– Глерд, – произнесла она, – рекомендую переселиться на это время из башни Рундельштотта во дворец. У вас здесь свои покои. Не понимаю, почему отказываетесь? Побаиваетесь, что придется отбиваться от моих фрейлин?

– Ваше величество?

Она пояснила:

– Люди глерда Иршира выявили и арестовали еще троих. Все из влиятельных вельмож, предки служили отважно и честно... Вам не надо объяснять, почему сейчас такое?

Я пробормотал:

– Хотите сказать, ваше величество, где трое, там больше?.. Это точно. А этих троих уже... расспрашивают?

Она поморщилась, кивнула.

– Да.

– Умелые люди? – спросил я. – Нужно получить весь круг их знакомых. Помимо видимого еще и тот, о котором умалчивают.

– Иршир этим занимается, – ответила она. – Я вас вызвала, чтобы предупредить, за вами идет охота. Вас считают ответственным за провал с принцессой, а также...

– Ваше величество?

– Полагают, – закончила она, – что можете представлять угрозу и в дальнейшем. Видимо, это похвала. Я настоятельно рекомендую воспользоваться охраной. Глерд Картер, который о вас почему-то крайне высокого мнения, готов выделить любое количество своих людей охранять вас денно и нощно. Это он и напомнил, что вам стоит ночевать здесь.

– Спасибо, ваше величество, – ответил я почтительно, – а позвольте спросить... Почему вы сказали «рекомендую» вместо «повелеваю»? Я же видел, вы даже губы успели сложить иначе! Как будто хотели не то поцеловать, не то укусить, у вас одинаково государственное выражение как бы лица.

Она сказала с досадой:

– Потому что повеление из-за своей невоспитанности и дурных манер пропустите мимо ушей! А к рекомендации, возможно, прислушаетесь.

– Гм...

– Я в самом деле хочу, – сказала она жестче, – чтобы вы уцелели.

– Спасибо, ваше величество, – повторил я. – Ваше величество, вы вообще-то мудрая королева, что удивительно при вашей броской внешности. Это не оскорбление, честное слово, но вы в самом деле очень красивая... кто бы подумал, женщина.

– Глерд, – сказала она строго. – Вы говорите с королевой Нижних Долин!

Я сказал смиренно:

– Даже я вами любуюсь, даже величество, хотя, конечно, издали. Очень издали. Ваши подданные в вас верят и поддерживают. А ваши тайные враги в королевстве сразу заткнутся, как только Антриасу обломают рога. И сразу все эти заговоры и мятежи погаснут сами.

Она поморщилась.

– Глерд...

– Да ладно, – ответил я, – хороший политкорректный термин. Бодливой корове бог рогов не дает, Антриас их сам у бога украл или выпросил. Вы должны восстановить справедливость и обломать эти лишние образования! Я бы предпочел снести их вместе с верхним отростком тела. Подумаешь, король.

Она сказала устало:

– У него столько трюков, начинаю сомневаться...

– На этот раз обломает зубы, – пообещал я.

– Почему так уверены?

– Вы же видите, закусил удила, а против него уже три королевства!.. И каким бы ни был гением в военном деле, но трое против одного – что еще? Нужно только самим не убится о стену. Мне кажется, вы это сумеете. Не убится. И тогда все эти охотники на меня и опасных фигур сами вернутся в свои норы. А дома займутся разведением кур. Или, как здесь говорят, курей. Сейчас же неплохо бы убрать заказчика... Ваше величество?

Она кивнула, я видел по ее отстраненному взгляду, что мне сказала все и мысленно уже возвращается к более важным государственным делам.

– Будьте осторожны, глерд. И переселяйтесь.

– Ваше величество, – напомнил я, – армия Антриаса уже на подступах к границам вашего королевства. Со дня на день придет посла с просьбой пропустить его армию по двум-трем дорогам через все королевство к границам Дронтарии.

Она смотрела на меня хмуро, привычный взгляд свысока сменился на взгляд исподлобья.

– Уже, – произнесла она холодно.

– Ваше величество?

Она сказала мертвым голосом:

– Сегодня я получила послание Антриаса. Он просит в свойственной ему категорической манере пропустить его войска. Обещает не творить бесчинств по пути следования. Заверяет в своем прежнем расположении и почтении.

Я подумал, посмотрел внимательно.

– Похоже, сообщение выслал еще до того, как нам удалось выкрасть принцессу. Иначе просьба не звучала бы столь категорично.

– Не знаю, – ответила она сухо. – Он завоеватель. Война – его стихия, от вторжения в Дронтарию не откажется, даже если попытаюсь перекрыть ему все дороги. Предполагаю, успел послать гонцов к ряду могущественных глердов моего королевства с сообщением, что он с нами не воюет, а идет на Дронтарию.

– И даже мог позвать с собой, – добавил я, – пообещав богатую добычу. Вы же знаете своих глердов... Они, как и везде...

– Он мог, – ответила она нейтральным тоном, но я уловил скрытую глубоко нотку горечи. – Хуже того, есть ряд глердов высшего ранга, что со своими войсками могут принять его предложение.

– А после захвата Дронтарии, – закончил я ее мысль, – помогут Антриасу установить власть и над Нижними Долинами.

Она слегка наклонила голову.

– Я об этом тоже думала.

– Люди, – сказал я философски, – есть люди, а то и вовсе человеки. Ваше величество, уверяю вас, хотя неожиданности еще наверняка будут, но общий расклад сил в нашу пользу... в смысле, вашу, я тут пришей кобыле хвост. Не забывайте, Антриас уже потерял важнейшего союзника в лице королевства Опалосса!.. Более того, король Плаций, освободившись от власти регента Ригельта, может попытаться захватить Уламрию, откуда король увел всю армию...

Она покачала головой.

– Это было бы слишком хорошо. Но мне пришлось научиться быть осторожной. И не верить в желаемое.

– Сочувствую, – сказал я искренне.

Она напомнила уже более твердым голосом:

– Глерд, вам нужно ночевать в своих покоях во дворце.

Я поклонился.

– Ваше величество...

Картер в коридоре шагнул навстречу, лицо окаменевшее, я сказал с досадой:

– Да что все дергаетесь, когда захожу к королеве?

– Глерд, – ответил он сухо, – вы такая свинья, что можете чем-то обидеть ее чувствительность. Ее величество... особенная женщина. Вам такое не понять и не оценить.

– Да уж, – согласился я, – это вы сама деликатность, дорогой Руперт. На каком инструменте играете?..

Он опустил ладонь на рукоять меча.

– На этом. С пяти лет.

Я буркнул:

– Спасибо, обратно сам дойду. Вряд ли кто-то остановит, хотя с вашей охраной может быть все наоборот.

И ушел, довольный, хотя с чего бы, обидел хорошего человека, но у нас почему-то трудно удержаться, чтобы не забить гол даже в свои ворота, если подворачивается удачное положение.

Во дворе неспешное гуляние родовитых вельмож, так это выглядит со стороны, но на самом деле это их повседневная и кропотливая работа. Здесь поддерживаются связи, заводятся новые некие союзы и соглашения рушатся, зато устанавливаются свежие, именно здесь уговариваются, кого протолкнуть из подопечных повыше, а кого придержать...

Когда я, отвечая на поклоны, выбрался во двор, Понсоменер подошел со спины неслышными шагами, но я ощутил, поинтересовался, не оборачиваясь:

– Как там Фицрой?

Он пробормотал:

– Предполагаю, сейчас в таверне «Веселый кабан».

– Он же тебя тащил с собой, – напомнил я.

Он пошел рядом, холодный и бесстрастный, ответил тем же ровным голосом:

– Да. Но в таверне «Серебряный гусь» ему наскучило, никто с ним драться не хотел, и он пошел в «Белый единорог». Сейчас, думаю, в «Веселом кабане», но потом пойдет в «Мокрые розы». А я хорошо пообедал в «Серебряном гусе», вино там вполне, и вернулся.

– Вот свинья, – сказал я в сердцах. – Фицрой свинья, а ты еще непонятно, что за гусь. Ладно, когда вернется, позовешь меня.

– В трактир?

Я поморщился.

– Нам некогда засиживаться, море зовет вольных альбатросов! Это мы – альбатросы. Птицы есть такие. С крыльями.

– Позову, – ответил он.

Рундельштотта я застал вопреки ожиданию не на ложе с чашей вина, суетится у стола, раскладывает по кучкам листочки и корешки, оглянулся, быстро и суетливо, как радостная мышь, украшая огромный кусок свежего сыра.

– Не помешаю? – спросил я вежливо.

Он отмахнулся.

– Вид у тебя... никакой. Ляг полежи, могу дать вина. А я тут заново перебрал свои запасы. Оказывается, твоя магическая штучка очень точно определяет, сколько чего в какой траве... представляешь? Часть травы могу выбросить, засохла, но некоторые корешки, напротив, накопили каким-то образом!

– Не представляю, – сказал я и в самом деле лег на его ложе, закинул ладони за голову. – Мастер, не уйду, пока не научите меня создавать или хотя бы творить вино!.. И буду здесь спать, а вам придется у порога на тряпочке. Не сгоните же гостя.

Он отмахнулся.

– Сгоню. Но с тобой потом-потом, вот закончу... Пока отдохни. Почему возлежишь не во дворце?

– У вас удобств больше, – сообщил я.

– Да ну?

– Ни одна придворная дама на такую высоту не полезет, – сказал я. – Заморится платье держать на весу. Так что понимаю, почему вы под самую крышу.

– Seriously?

– Там, – пояснил я, – ко мне скорее подберется злодей, чем здесь. А сюда по приказу королевы кого попало не пропустят!.. Те два мордоворота по-прежнему стерегут вход в вашу башню. Колдуйте, мастер, не обращайтесь на меня внимания. Меня как бы нет, хотя я все вижу!

Он занялся своими травками, а я прикрыл глаза и начал представлять себе мир темной материи, что заполнен такой же темной энергией. Что она за, уже определил для себя, это то, что в народе называют маной, дескать, колдуны собирают и творят чудеса. Темную материю пока не представляю, хотя умом понимаю, она везде, вселенные в ней не крупнее, чем крохотные пузырьки, что могут сколько угодно лопаться и возникать снова, как во время дождя на поверхности бесконечного озера, только вот темная материя не ограничена плоскостью, как рисует мой убогий умишко. Смутно ощущаю, что темная материя вообще существует не только в трех измерениях...

Начал засыпать, как вдруг на грани перехода в сон завис в абсолютной черноте, нет верха, низа, нет времени или гравитации, но все равно испуга почему-то нет, ощущение такое, словно сейчас все еще в материнской утробе, там защищено, и никакой опасности.

Сосредоточившись, раз уж вроде бы не сплю, попытался двигать руками, ногами, повертел головой, все еще темнота, однако появились некие темные массы, что странно, темнота

в темноте, донеслись странные бухающие звуки, словно вселенная дает указания галактикам, затем блеснула искорка света...

...я уцепился за нее взглядом и начал всеми фибрами души расширять, расширять, наконец увидел в окошечке часть стены с пучками трав и корешков, ощутил узнавание, и тут же темнота исчезла, я лежу там же, где и лежал, а Рундельштотт стоит у стола и, глядя выпученными глазами в мою сторону, повторяет:

– Юджин... Юджин... Ты цел? Ты... где?... Юджин...

Я ответил в недоумении:

– Да здесь я... А что, меня плохо видно?

Он проговорил прерывающимся голосом:

– Юджин... Что с тобой случилось?.. Постарайся ответить... Соберись!

Я крикнул уже во весь голос:

– Я здесь, профессор!.. То есть мастер!.. Все в порядке... я рядом!

В теле появилась слабость, я прислушался, отпустил странное состояние, чувствуя, как нечто исполинское уходит из моего тела, пронизывая насквозь, как нейтринный ветер.

Рундельштотт вздрогнул, отшатнулся.

– Ты здесь и лежал?.. Или переносился?

– Здесь, – заверил я. – Это ваши амулеты и заветы, мастер... Что-то я наконец-то сделал правильно!.. Сработало!.. Меня совсем не было видно? Даже тени?

Он проговорил вздрагивающим голосом:

– Ты не просто исчез, ты совсем исчез... Понимаешь?

– Нет, – ответил я, – как это – совсем?

Он сказал быстро:

– Я вижу тех, кто пользуется простыми заветами исчезновения, невидимости или незримости. Даже не простыми. Но ты... а ты все здесь видел?

– Так же хорошо, – ответил я, – как и раньше. Хотя да, сейчас чувствую, что немного что-то по-другому... будто был в другом мире, что рядом, но скрыт от наших глаз... и бесцветный. Может, это и есть мир темной материи, что есть мир чистой магии?

– Что, – спросил он в недоумении, – что за мир темной материи?

– Мир чистой материи, – повторил я. – А в нем темная энергия... что есть именно магия. Ничем ее не уловить, кроме как сам человек всеми фибрами... Что такое фибры – не знаю, наверняка что-то магическое. А что, это объяснение!.. Оно самое умное, пока не придумаем лучше, что вряд ли, я же самый умный на свете, не считая вас, мастер, но вы такой ерундой заниматься не станете.

Он создал две большие чаши с вином, одну ухватил сразу и жадно припал губами к краю. Несколько красных капель сорвались на грудь.

Я взял вторую в обе руки, но спросил:

– Мастер, а если вино не удастся создать надолго... оно как?

Он допил, поднял на меня взгляд.

– Вино? А что вино... Как только выпил, уже не вино. Ты думай про то, что сумел, а не про какое-то вино! Ты же совершил такое, о чем даже в древних хрониках никто не упоминал.

Я пробормотал:

– Возможно, тогда не знали о существовании темной материи?

– Ее так и называют?

– Да это так, – ответил я уклончиво, – придумываю термины... Он так же хорош, как и остальные. Ладно, мастер, сейчас вам не до обучения такого олуха. Пойду к себе, но завтра я с вас не слезу! Научиться вино делать – это круче, чем алмазы, кому они нужны?

Глава 2

В своей комнате там же в башне я рухнул на ложе и, закрыв глаза, попытался снова погрузиться в тот же мир. Не вышло, сердце бухает, как молот, в голове будто раскаленные угли кто-то вороочает железной кочергой.

Все логично, все происходит вовремя. Радиоволны существовали всегда, но человек узнал о них не раньше, чем сумел создать ловушку для радиоволн, названную им радиоприемником, то есть приемником радиоволн.

Темная материя и темная энергия существовали изначально, еще до Большого Взрыва, что на самом деле знаменовал всего лишь рождение еще одного из пузырьков в океане Темного мира, но человек узнал о них не раньше, чем подошел к пониманию их сути. От этого остался крохотный шаг к овладению. Причем на этот раз приемником темной энергии может являться также и сам человек с его сложнейшей нервной сетью тончайшей настройки.

Допускаю, что и раньше находились с неким сбоем в генах, улавливали радиоволны или темную энергию, становились магами, но сейчас уже все человечество подошло вплотную, чтобы понять и овладеть этим океаном.

И хорошо, что я успел первым. Первому все пряники. Он успевает снять все сливки, если, конечно, не прощелкает хлебалом. Я вроде бы не слишком щелкаю, а когда щелкаю, то, конечно, это виноват не я, а весь остальной мир, у демократов только так.

Все-таки снова закрыл глаза и начал старательно настраиваться на ловлю частиц темной энергии, чувствуя себя сплошной антенной. Долго ничего не происходило, слишком всего трясет, затем начал погружаться в странную темноту, что не темнота, но все же темнота, разве что не привычная, а та, когда света вообще не существовало.

Темнота вечности, настоящей вечности, когда и времени не было, не существовало, появилось оно только вместе с Большим Взрывом, как утверждает лучший космолог святой Августин Блаженный.

Затем, когда я ее прочувствовал и стал тоже частью темной материи, начал чувствовать струящуюся сквозь меня темную энергию. Она струится и струится, как те же нейтрино, что с легкостью пронизывают Землю и мчатся дальше, не замечая никаких препятствий и ничуть не отставая от тех, кто промчались мимо нашей планеты, не задев и краешком.

Дергаясь так и эдак всем телом, так неуклюже помогаю мыслительным процессам, про выпучивание глаз вообще молчу, в какой-то момент уловил, что да, часть темной энергии начинает где-то застревать во мне, наполняя некой мощью, осталось только научиться высвобождать ее...

...да еще так, чтобы не взорвалась со мной вся планета, а то и Солнечная система.

«Давай, – прошептал я мысленно, – мы одной крови, ты и я, в том смысле, что атомы те же, осталось научиться только переставлять их по неким схемам, отпечатанным в мозгу».

Ощущение вселенской огромности ушло, я ощутил себя выброшенной на берег рыбой, распластался, часто дыша и стараясь удержать в памяти все, что чувствовал.

Удержать и запомнить надо, в следующий раз заходить будет легче. Но теперь я это не оставляю.

Фицроя не узнать, за время моей аудиенции у королевы каким-то образом успел, судя по его виду, посетить всех столичных портных: новая светло-коричневая шляпа с гигантским хвастливым пером, расшитый золотом камзол, щегольские брюки, а сапоги такие, что и короли позавидуют. Есть модники, для которых обувь – это все, а у Фицроя все с головы до ног обувь, ну не может не повыпендриваться.

– Как прошло у королевы? – спросил он бодро.

На него оглядываются все прогуливающиеся во дворе, женщины сладко и обещающе улыбаются, а мужчины кланяются почтительно и с достоинством, тоже стараются понравиться герою, которому покровительствует королева.

Мне и то кланяются меньше, у меня дресс-код не совсем, я кивком отвел героя в сторону от магистрального прогуливания, но Фицрой и оттуда помахивал шляпой и грациозно раскланивался.

– Перед королевой дрожал, – сообщил я. – Стоял и трясся. Иначе перед королевами нельзя.

– Да ты чего?

– Это перед королями трястись не обязательно, – пояснил я, – им же не надо нам выказывать, что самцы круче, сами знаем, а у женщин это пунктик со времен капризной Евы. А то и Лилит.

– Чем наградила? – перебил он.

Я покачал головой.

– Пыталась, но я увернулся. Ей так обиднее. Пусть повертится!..

– Жаль, – сказал он со знанием дела. – За принцессу можно такое содрать... С другой стороны, у меня короли еще в долгу не бывали. Ты прав, так интереснее. А ты, выходит, злой? От мешка с золотом отказаться, чтобы уесть!.. Или ты в нее уже?

Я посмотрел зверем.

– Что-что?

– Влюблен, что!

Я шарахнулся, будто ударили.

– Чего пугаешь?... Заикой можно стать!

– А что, – сказал он хладнокровно, – у вас похоже. Так в народе и начинается всякое... А народ и власть, ты сам говорил, едины в порыве. Каком – не понял. Ну что, прощаемся с Рундельштоттом и прем в Дронтарию?

– Да, – ответил я, – там как раз должны были спустить на воду еще корабль. Даже два, мы же потеряли времени больше, чем думали.

Он спросил в патетическом изумлении:

– А когда теряли меньше? Кто когда успевал быстрее, чем рассчитывал? Что бы ни задумал, клади времени в полтора раза больше! Тогда уложишься хотя бы в два.

– Стареешь, – сказал я. – Ишь, опыт у него. Бывалый, тертый! Как был Нечеса-князь... Хорошо, завтра с утра выступим. Успеешь отдохнуть?

Он посмотрел с уважением.

– А ты ого... Другой бы месяц отдыхал и хвастался. Я не думал, что столько с тобой протопая. Полагал, как только докажу, что круче, сразу пойду дальше, оставив тебя копать в прошлых заслугах и перебирать награды. Но вот доказал, а все равно тебе покровительствую. Из жалости, наверное. Добрый я.

– Фицрой, – сказал я с сочувствием. – Беги, пока не поздно.

Он спросил с интересом:

– А чего?

– У меня впереди такое, – сообщил я, – даже вышептать не могу. Самому страшно.

Он посмотрел с жадным интересом и потер ладони с такой силой, что едва не вспыхнули, как дощечки в руках австралийского аборигена.

– Брешьешь?

– Ничуть. Видишь, уже руки трясутся? Но кур не крал.

– Пойду скажу Понсоменеру, – заявил он, – пусть собирает коней и мешки. Завтра на расвете и выступим?

Огромное оранжевое солнце закрывает весь запад, но опускаться будет еще почти полдня, однако здесь никто не выезжает «на ночь», наш отъезд сочтут поспешным, и сразу начнутся разговоры, что могут повредить королеве.

– На рассвете, – согласился я. – Если понадобится раньше, знаешь, где меня искать.

Он ухмыльнулся.

– Ну, а меня... тоже примерно знаешь.

Я проводил его взглядом, красавец и бретер, но что-то в нем еще, и чем это еще опаснее, тем старательнее должен выставлять напоказ эти нарядные костюмы, бретерство, лихость, фанфаронство, чтобы видели только эту витрину.

Мимо меня шел слуга в цветах главного дворца, на миг остановился, расправляя складки на широком рукаве, я едва расслышал шепот:

– Глерд, вас ждут в главном дворце на третьем этаже в комнате фрейлины Кареллы Задумчивой.

– Некогда, – буркнул я.

– Что-то важное, – шепнул он, глядя мимо меня.

– Готовлюсь к отъезду, – сказал я.

– Дело касается жизни, – произнес он и, не дожидаясь ответа, пошел своей дорогой, все еще поглядывая на рукав, красиво ли колыхнется цветная тесьма.

Я уже сделал шаг в сторону башни Рундельштотта, но тревожное любопытство, на чем все самцы горят и ловятся, все-таки перебороло. Я развернулся и пошел обратно, злой на себя, но, с другой стороны, хотя любопытные обезьяны гибнут первыми, но именно самые любопытные из уцелевших стали людьми, а более правильные все еще скачут по деревьям.

– Не слишком отставайте, глерд, – прошептал он, не поворачивая головы. – Я не могу идти медленно, не положено, а вас без меня туда не пропустят.

– Не отстану, – сообщил я. – Я такой, неотставательный.

На второй этаж гвардейцы пропустили без вопросов, но у третьего вышли навстречу с явным желанием бдить и не пущать. Слуга сделал им весьма повелительно некий знак, оба тут же отступили в стороны.

Понятно, такой же слуга, как я глерд. Подрабатывает и в ведомстве Кливарда, а то и у самого Иршира, всем нужны свои люди на разных уровнях.

На третьем этаже я пошел медленно, поглядывая по сторонам и вглядываясь в двери. Этот коридор всегда пуст, во всяком случае от слуг и стражников. Королева оберегает фрейлин как от домогательств вельмож, так и от гвардейцев, есть среди них красавцы, так что пусть лучше дежурят внизу у нижней ступени лестницы.

Странно и то, что сообщение передал безвестный слуга, а не Анна, служанка Кареллы, все-таки я Анну уже знаю, достаточно хорошо знаю.

К комнате Кареллы я подходил чуть ли не на цыпочках, вслушивался и вчувствовался. Опасности пока вроде бы нет, никто не притаился, ни синих силуэтов по ту сторону стены, ни голубых, только тонкий аромат нежных духов без примеси мужского конского пота.

Толкнув дверь, я быстро ухватил взглядом пространство комнаты, Карелла на том конце спиной ко мне стоит на балконе и смотрит через высокие перила вниз во двор.

Перешагнув порог, я зыркнул направо-налево, все чисто, я один в комнате, не считая хозяйки, пошел вперед, громко топая.

Карелла обернулась, вся озаренная золотом солнца, лицо вспыхнуло счастьем, торопливо вышла мне навстречу, в глазах ликование, настоящая женщина, умеет делать себя такой, какой должна быть в данный момент.

– Глерд, – прошептала она, – как я счастлива... Нет-нет, не пугайтесь, в постель не потащу.

– Правда? – сказал я с подчеркнутым сожалением. – А я уж размечтался...

Она сказала с мимолетной усмешкой:

– Уже вижу, почему-то избегаете меня. Точно злые языки что-то сказали обо мне дурное.

– Мир таков, – согласился я, – а двор – еще тот мир.

Она договорила:

– Я искала способ, как сообщить вам, что вы в опасности. Простите, ничего лучше не придумала.

Я настороженно всматривался в ее юное и такое бесхитростное лицо. Мяффнер осторожно обронил насчет ее железного характера, но так, деликатно, не навязывая свое отношение и не показывая, что его мнение является единственно верным.

– Я это чувствую, – согласился я, – смотрю на вас – и вижу, как вы отбираете у меня сердце.

Она мило улыбнулась, но тут же посерьезнела и покачала головой.

– Глерд, прошу вас, сядьте. Вот сюда, это удобное кресло.

Я оглянулся, кресло в самом деле фрейлинское, сплошная роскошь, но взялся за спинку соседнего:

– Прошу вас...

Карелла, придерживая обеими руками с боков платье, улыбнулась и царственно опустилась на мягкое сиденье. Не вся, конечно, опустила только задницу, ноги на полу, но почему-то считается, что это вот и есть опустилась в кресло, как будто задница – наше все и поместить ее в кресло – уже сесть целиком.

Я сел напротив и заглянул ей в милое личико с серьезными глазами.

– Госпожа Карелла...

Она покосилась по сторонам и сказала страшным шепотом:

– Мне удалось случайно услышать обрывок разговора... В общем, некоторые считают вас серьезной помехой.

– Помехой чему? – уточнил я.

Она вздохнула.

– Больше ничего не расслышала. Но, глерд, сам тон, интонация... Говорили очень знатные глерды. А таким лучше не становиться поперек дороги. Вы собираетесь уехать?

– Да, – ответил я.

– Постарайтесь забраться подальше, – посоветовала она серьезно. – Если вам в Дронтарии дали землю, то лучше и не придумать. Когда едете?

– Завтра с утра.

Она снова вздохнула.

– Жаль, буду скучать, но вам вдали от столицы будет безопаснее. А на эту ночь усилие свою охрану. Говорят, у вас верные друзья? Неплохо, если проведут ночь в вашей комнате с оружием в руках... Глерд Юджин, я очень серьезно!

Я кивнул, не сводя с нее взгляда. То, что говорит серьезно, не сомневаюсь. Как и в том, что услышала чуть больше, чем говорит. Но без явных доказательств не станет указывать пальцем на людей знатных и могущественных.

– Что-нибудь придумаю, – пообещал я. – Хотя у меня крохотная комнатка в башне.

– У вас во дворце есть комната! Даже покои.

– Туда вряд ли пропустят мою ватагу, – ответил я, – да еще вооруженную до зубов. Пока не знаю.

Она улыбнулась.

– Глерд, я бы предложила эту комнату, но вы откажетесь.

– А вы предложите, – ответил я.

Она рассмеялась.

– Нет-нет, мне будет очень обидно, когда откажетесь прямо в лоб. Раньше у вас всегда отыскивались предлоги.

– Значит, – сказал я, – когда сам напрашиваюсь, уже вы увильваете?

– Я не увильваю!

– Тогда...

Она посмотрела мне в лицо, набрала в грудь воздуха и выпалила:

– Глерд Юджин, вы разделите со мной ложе?

– Разделю, – ответил я, – только уговор, мне две трети, а вам остальное.

– Это бессовестно, – заявила она, сразу оживая на глазах. – Я же хозяйка, две трети должно быть у меня!

Я подумал, кивнул.

– Хорошо, но только если мне будет тесно, предупреждаю, я залезу сверху.

Она ответила тихо:

– Стерплю. Вы вроде бы не слишком толстый... Может быть, и нетяжелый?

– Если не наедаться на ночь, – сообщил я.

Она подумала, кивнула.

– Ладно, наедайтесь. Хоть какое-то удовольствие получите.

– Госпожа Карелла, – сказал я, – кстати, можно я вас по имени?

– Буду счастлива.

– Карелла, – повторил я, – вы оказываете мне услугу, я это ценю. Не могу сказать, что готов тут же взять на себя бремя как-то благодарить, но... спасибо.

Она сказала милым голоском:

– Этого достаточно, глерд. Вы оказываете услуги ее величеству, а я служу ей не за высокое положение фрейлины, а потому что считаю ее великой королевой.

Я поднялся, она взглянула снизу вверх несколько испуганно, я сказал поспешно:

– Не рискую остаться прямо сейчас.

– Глерд?

– Можете звать меня по имени, – сказал я. – Это так приятно.

– Глерд... Юджин, – произнесла она с усилием, словно мое имя произносить труднее, чем остальные, – но вы придете?

– До ночи еще далеко, – объяснил я, – но обязательно приду, если вы еще не передумали.

– Никогда не передумаю, – заверила она и, уловив что-то в моем лице, добавила: – Вы же такой полезный ее величеству человек!

Я поклонился и вышел. Коридор на всем протяжении пуст и безлюден, с обеих сторон лестничные площадки, но гвардейцы все внизу, только у королевского кабинета особая стража, но те от двери не отходят.

Спустившись в зал, все-таки уловил настороженно-завистливые взгляды гвардейцев у лестницы, принял довольный вид, дескать, настоящие орлы и за пять минут находят и сжирают добычу, даже рубашку в штаны уже заправил, хоть и криво, видите, прошел мимо, а затем через запруженный вельможами и сановниками холл сбежал по широким мраморным ступенькам во двор.

Глава 3

Наша миссия осталась как бы тайной, принцессу никто не похищал, но слишком многие посвящены в случившееся, так что при дворе все равно узнали достаточно быстро. Фицрой купается в лучах славы, даже Понсоменер нарасхват среди знатных дам, репутация Рундельштотта восстановлена, только я несколько в сторонке, хотя тоже приходится лавировать между знатными вельможами, которым срочно нужно установить связи, и знатными матронами, у которых на выданье выводок дочерей, но с этими проще.

Предостерегающий холодок в спине я чувствовал дважды или трижды, это значит, обмануть удастся не всех, кто-то да сообразил, что все-таки главная сила в нашей группе я, так что будут бить по мне.

Среди прогуливающихся во дворе и саду прошло оживление, на аллее показался невысокий и толстенький глерд, одетый без всякой роскоши, даже непривычно здесь, разве что золотая цепь на груди, но и она не украшение, а указание на его ранг.

Я не двинулся, но он ухватил меня взглядом, заспешил навстречу, улыбающийся во все пухлое розовое лицо.

– Глерд Юджин!

Я поклонился.

– Глерд Мяффнер... Чем могу?

Он взял меня под руку и повел по аллее в сторону, где много низкорослой травы и нет придворных, там каблуки не очень для мягкой почвы.

– Уезжаете из-за Антриаса? – спросил он тихонько.

Я посмотрел с обидой, даже с высокомерным видом вскинул голову, чтобы заметнее была выдвинутая нижняя челюсть.

– Глерд Мяффнер, за кого мы меня имеее так грубо?.. Я не настолько уж и навредил королю Уламрии, чтобы его величество лично объявило на меня, простого и незаметного, как бы охоту.

– Гм, – сказал он, – но если он узнает, что это вы все там учинили...

– Я человек просвещенный, – напомнил я, – и донельзя гуманный, у нас полная зачистка считается нормой. Свидетелей не остается.

Он напомнил:

– Но вы оставили в живых женщин и... заключенных?

– Я им не представился, – уточнил я. – Безымянный разбойник. Даже непонятно, чье поручение выполнял, освобождая принцессу. Может быть, герцога Карлейского, который в нее влюблен!.. Или принца Роммельса, который не принц, но для народа принц. Нет, дорогой канцлер, просто у меня важные дела на берегу моря.

– Подаренный его величеством королем Астрингером замок? – переспросил он. – Это достойный дар, глерд Юджин. Только мне казалось, вы не совсем тот человек, что с головой уйдет в хозяйствование...

– Заглядывая вперед, – договорил я, – могу сказать, что зрю великие перемены... Режим Антриаса падет, это несомненно, а королевства Нижние Долины и Дронтария сблизятся настолько, что... это будет нечто вроде конфедерации. И ее величество получит выход к морю... Нет-нет, я не имею в виду брак с его величеством Астрингером!

Он смотрел на меня внимательно и несколько исподлобья.

– Вы заглядываете очень далеко, глерд... Насколько ваши видения... или это грезы, обоснованы?

Я ответил негромко:

– Вы же знаете, это не видения, а ваши пожелания, глерд Мяффнер. Как и пожелания глердов Иршира, Джоэла, Брандштеттера... Ее величество подобрало хороший состав Совета, я заметил. Много в нашем мире можно добиваться переговорами, удачным торгом, сделками, пактами, а не только войной или замужеством.

Он кивнул, лицо оставалось рыхлым и мягким, но во взгляде мелькнула сталь.

– Глерд, мне нравится ваше удивительное понимание, несвойственное, уж простите, юному и не очень умному с виду человеку. Это прекрасно, но какова в этом ваша цель?

Я пробормотал:

– Надо ли знать, глерд?

– Не обязательно, – ответил он. – Но, вы же понимаете, находясь вблизи королевы и защищая трон... подозреваешь всех.

– Я уезжаю, – напомнил я.

Он мягко улыбнулся, но взгляд оставался твердым.

– Но у вас и здесь владения... и, что главное, влияние при дворе.

Я заглянул ему в глаза, Мяффнер ответил прямым и откровенным взглядом, дескать, смотри даже то, что там на самом дне моей души.

– Королева вам доверяет, – проговорил я медленно, – это я заметил. И вы умеете хранить тайны. Хорошо, но пусть это будет только между нами, договорились?.. Я же вижу, вы храните многие ее секреты.

Он бросил по сторонам осторожные взгляды. Я ждал, он ответил шепотом:

– Все, что скажете, умрет со мной.

– Моя цель, – произнес я тихо, – острова в океане. Это не повредит ни ее величеству Орландии, ни королю Астрингеру, к которому питаю уважение и признательность. Но, как вы видите, любая война помешает мне и моим планам.

Он подумал, все еще рассматривая меня испытующе.

– Если это так... можете рассчитывать на мою поддержку. Я даже не спрашиваю, зачем вам острова.

Я наклонился к его уху.

– Просто хочу попасть обратно. Когда-то выбросило при кораблекрушении на этот берег. Выжил только я, да и то чудом прицепился к обломку мачты. Ураган был страшный, наш корабль несло несколько недель сквозь тьму и ливень. Мы не знали, где находимся, а потом страшный удар, корабль рассыпается, а нас всех смывает волной высотой с этот дворец.

– Понятно, – пробормотал он, – понятно, почему так рветесь к морю. И даже понятно теперь, откуда у вас определенные знания и умения, неведомые здесь. Вы ведь не простолюдин там, в своих землях? Теперь понимаю лучше... Хорошо, глерд Юджин! У меня гора с плеч. Нет, не потому, что вы исчезнете, а что узнал разгадку... Спасибо за все.

– У меня странное чувство, – пожаловался я, – что не закончил здесь, в Санпринге и вообще Нижних Долинах, что-то очень важное...

– Глерд?

– Это только чувство, – сказал я. – Может быть, вспомню. Может быть, вспомните вы.

Краешек оранжевого солнца опускался долго, но наконец мир охватила полная тьма, я выждал, когда поднялась огромная красная луна, покинул башню и, настороженно прислушиваясь, перебежал двор к главному зданию.

Гвардейцы впустили молча, я поколебался насчет Кареллы, но обещал прийти на ночь, а сейчас еще вечер, потому прошел мимо ее двери на цыпочках, отыскал «свои покои», а там, не раздеваясь, рухнул на роскошнейшее ложе.

В этом явно умысел королевы, чтобы дать мне в пользование большую роскошную комнату на том же этаже, где комнаты всех ее фрейлин. Если спросить в лоб, то наверняка холодно

ответит, что какая мне разница, а покои там для гостей самые лучшие, и если что, то я сумею защитить ее фрейлин.

И прекрасно понимает, что самому защищаться от фрейлин здесь будет труднее.

Лежать, похоже, в этом мире я разучился. Поворочавшись, взял последнюю из стрел, которые покупал для Понсоменера, и, ощутив всю и чуть ли не исцеловав, принялся вообразить, что группирую хаотично прыгающие атомы в нечто упорядоченное, имеющее цельную структуру, как вот здесь, в этой стреле.

Через несколько минут тягостных усилий на ладони возникло нечто холодное и тяжелое. Я торопливо открыл глаза. Сердце екнуло, блин, я же сосредоточился как-то не совсем так... не совсем правильно.

Стрела, как понимаю, из перестроенного углерода, он же обыкновенная сажа, что при замене одного-единственного атома превращается в алмаз. Я же сосредоточился на прочных и долговечных стрелах, вот и получилась... прочная. Насколько долговечная, гм, определим, оставив ее на столе и прикрыв тряпочкой, а вот прочность нужна иная. Зачем такая прочность, когда хрупкость выше нормы?

Такое улучшать не могу, образования недостает, единственное выполнимое требование – это создать точно такую, какие распечатал вместе с луком, желательно живущую предельный для моего умения срок.

Если получится, смогу надеть Понсоменеру заранее, но даже если не истратит все, не страшно, моя впитывающая темную энергию одежда постоянно наполняет меня магической мощью, так что могу творить без всяких усилий и не чувствовать усталости, как было раньше.

Хотя, если честно, мне кажется, я поглощаю своими фибрами энергии больше, чем собирает одежда, но проверю в другой раз. Все, на сегодня хватит.

Я выскользнул в коридор, отыскал дверь комнаты Кареллы и вежливо постучал. С той стороны прозвенел счастливый женский голосок:

– Заходите... Юджин!

Я переступил порог, держа в руках пару стрел и кусочек гранита, его тоже создал для проверки, поклонился.

– Карелла... Я что, сопел, хрюкал за дверью или шумно чесался?

Она пошла навстречу, я торопливо положил на столик возле двери обе стрелы и камешек, остановился, вдруг да бросится в объятия, что еще хуже, влепит поцелуй, как же они все любят это непонятное для мужчин дело.

Карелла остановилась и с улыбкой протянула мне руки.

– Совсем не шумно, – заверила она, – я же вас жду, разве забыли? Прислушиваюсь к каждому шороху за дверью.

– Только о встрече и думал, – заверил я.

Она с напряженной улыбкой наблюдала, как я бережно взял ее ладонь и коснулся губами тыльной стороны, странный и пугающий ритуал, но я не грызнул и даже не укусил, и она с облегчением поинтересовалась:

– Тогда почему так поздно?

– Робел, – признался я. – Я такой, знаете ли, робкий, застенчивый и доверчивый, что просто до наивности. Вы к наивным как относитесь?

– Вы не наивный, – ответила она серьезно.

– Правда? А какой?

Она чуть улыбнулась.

– Не наивный, этого пока достаточно. Юджин, я велела накрыть стол, вдруг вы голодны...

– Что значит «вдруг»? – спросил я оскорбленно. – Мужчина всегда голоден!

Она вернулась к столу, там под белоснежным покрывалом топорщится нечто, закрывающее всю столешницу, красивым жестом сдернула накидку.

Я охнул и жадно сглотнул слюну. Мощно пахнуло свежеподжаренным нежнейшим мясом. На широком блюде толстая, как кабан, коричневая тушка откормленного гуся с задранными культиками лапок и распоротым брюхом, откуда выглядывают коричневые комочки мелких птичек, на блюдах ломти прожаренной оленины, телятины, вепрятины, отдельно собраны блестящие от жира бараньи ребрышки, лопну, но все обглодаю, а еще и филе из красной рыбы разных пород.

– Впечатляет, – выдохнул я.

Она счастливо прощепетала:

– Нравится? Это я еще не сказала, что у меня в гостях будете вы, глерд! Иначе бы повара расстарались!

– Я что, и у них популярен? Кстати, меня зовут Юджин.

– Юджин, – повторила она с сияющей улыбкой, – прошу прощения. Вы у всех здесь популярны даже не знаю насколько. Мы все зависим от королевы, а вы ее защитник.

Я взглядом указал на стол.

– Приступим? Это ничего, что я в ваших апартаментах вас же и зову к столу?

– Вы мужчина, – напомнила она. – Мужчины везде хозяева.

– Как мне это нравится, – пробормотал я и, указав ей на ее кресло, сам сел ближе к центру, – как мне нравится ваше отношение к проблеме полов и вашему победоносному неравноправию.

Она напомнила:

– Юджин... хозяин садится обычно во главе стола.

Я отмахнулся.

– То простой хозяин, а настоящий садится там, где ему изволится. И ничего не теряет во мнении окружающих, если он в самом деле чего-то стоит. Мне отсюда стоит только руку протянуть!

– А туда я могла бы вам подавать, – мило сказала она, – но вы правы, настоящий хозяин сам знает, что делать за столом, с лошадьми и женщинами.

За женщинами никогда не умел ухаживать, да на хрен учиться, пусть теперь они за нами, а здесь как в воду глядел: Карелла с мягкой материнской улыбкой перекладывает мне на тарелку новые вкусности, по мере того как я очищаю там со скоростью лесного пожара в жаркий сухой день.

Уже когда я распустил пояс и ощутил, что дышать как-то трудновато, а дышать надо, впереди еще пироги и всякие сладости, поинтересовался:

– Карелла... ик!.. а что вы не лопаете?.. Вроде бы... вкусно...

Она жалко улыбнулась, я спросил участливо:

– Что, слишком сладкое?

Она произнесла с вялой улыбкой:

– Не обращайтесь внимания, глерд. У меня от кислого, жирного и сладкого начинаются рези в животе. А потом сильно болит голова. Голова вообще-то и так часто болит, но это у многих женщин.

– Сочувствую, – ответил я автоматически. – А у меня еще хуже, ночами спать хочу!.. Столько времени пропадает зря.

Она покачала головой.

– Глерд... простите, Юджин, но это же так сладко и приятно, когда спишь... да еще если хорошие сны. Хотя да, я вас понимаю, вы мужчина, вам бы действовать, а не грезить о счастье.

Она налила в чаши вина, я смотрел на ее нежное бледное лицо – совсем не бывает под солнцем, аристократки должны прятаться от его жарких лучей.

Кончики моих пальцев словно сами по себе нащупали пряжку пояса. Легкий щелчок – встроенная коробочка выкатилась на ладонь нечто теплое, разогретое моим пузом.

Карелла смотрела с изумлением, таких поясов не видела, хоть и в королевском дворце, где все-все, а я протянул ей капсулу сине-красного цвета.

Она с недоверием приняла это странное изделие, в ее нежных тонких пальчиках капсулка показалась мне огромной и даже грубовато сделанной.

– Это... что?

– Проглотить и запить, – велел я. – Лучше водой, я не очень доверяю здешним винам.

– Это... лекарство?

– Внутри истолченный порошок, – объяснил я. – Хотя если истолченный, то уже порошок? В общем, это остановит вашу головную боль. Оболочка растворится, она из сушеных кишок добытого на охоте благородного оленя. Очень благородного. С родословной. Думаю, есть даже королевские олени, раз уж есть пингвины и гуппи...

Она проговорила слабо:

– Ой, спасибо... Я верю вам, Юджин.

Я проследил, как глотнула и запила водой. По нежному горлу прокатился комок, я почти увидел, как эта капсула движется по пищеводу, а там ее с недоверием принимает и начинает придирчиво рассматривать желудок.

– Вот и хорошо, – сказал я с облегчением. – Спасибо, что без женских штучек.

Она сказала тихо:

– Я верю вам, глерд. И слушаюсь. Все, что скажете, правильно... Голова перестает болеть на весь день? Или только на этот вечер?

– Гм, – сказал я с неловкостью. – Вообще-то совсем перестанет. Это снадобье не от головной боли. Оно усиливает вашу защитную систему обороны, начиная от часовых на входе. А гарнизон у вас теперь вообще просто звери... Все хвори подавят и выбросят за стены вашей крепости, а новых не пропустят.

Она тихо улыбнулась.

– Глерд, вы говорите так образно... Стихов не пишете?

– Обижаете, – ответил я с достоинством урожденного глерда. – И факелами не жонглирую. А то если попробую, полкоролевства спалю!

– Позвольте, – сказала она и налила мне вина, – это лучшее в Нижних Долинах...

– Верю, – сказал я, – вы же лучшая! И вино должно быть самое-самое... Что вы так смотрите? Ах да, пора в койку?

Ее щеки зарделись нежнейшим румянцем.

– Юджин... Я стесняюсь.

– Будем стесняться вместе, – сказал я решительно. – Нет-нет, это платье сбросить нужно обязательно, а это вот сооружение надевать не стоит вовсе!

Она сказала жалобно:

– Но это ночное платье... Спать положено в нем.

– Здесь что, – поинтересовался я, – ночами мороз?.. Тогда одеялом укроемся. А этот ворох платьев... нет-нет, его лучше с моей стороны, люблю вытираться мягким.

Глава 4

В постели она, как и все женщины королевства, умеет только лежать, раздвинув ноги, но потом ожила, чирикает и щебечет, старается понравиться, обеспокоенная, было ли мне хорошо.

Я в расслабленном состоянии слушал ее торопливые рассказы о дворцовой жизни, придворных, их интригах, состоянии дел королевства, как его понимает знать, о борьбе за место возле королевского трона, что является основной целью жизни высокопоставленных глердов.

Женщине положено мужчин развлекать, она старательно рассказывала, что в королевстве борьба идет между могущественными родами Райансов и Мишеллистов. Те и другие проталкивают своих людей на высшие должности при дворе, а королева старается соблюдать равновесие. Есть и другие силы, но Райансы и Мишеллисты самые могучие, с ними считаются в первую очередь...

Я ловил на себе ее обеспокоенный взгляд, вдруг уже давно сплю, на всякий случай пробормотал:

– Есть варианты лучше...

– Глерд?

– Не заниматься, – буркнул я, – соблюдением баланса, не королевское это дело, а принимать на службу... скучно такое говорить, но в самом деле талантливых и работоспособных... Неужто таких нет?.. Кстати, у тебя красивые сиськи.

Она спросила смущенно:

– Правда?

– Точно, – подтвердил я, – торчат, как у козы. Здорово. Интересная форма... Рахитом не болела? Химер в родне не замечено?.. Тогда просто редкостное сочетание генов... Одобряю. И пузо просто чудо, нетолстое, но все равно нежное и мягкое. Люблю такие шупать. Значит, ничего конкретного не слышала? Только считают меня угрозой и не прочь как-то прижать так, чтобы копыта отбросил?

Она закусила губу, вижу, как борется сама с собой, наконец прошептала, зябко вздрагивая голыми плечиками.

– Я не уверена, – шепнула она совсем тихо, – но однажды прозвучало имя герцога Лонгшира... Мне показалось, он вовлечен, но в какой степени... не знаю.

Я погладил ее по голове, шелковые длинные волосы ниспадают на плечи и грудь, красиво смотрится, а голенькая она совсем не такая уверенная, как при всех регалиях, и жутко стесняется, то и дело тащит на себя одеяло.

– Не знаю такого... Хотя неважно, королевство большое, не все герцоги толкутся при дворе.

Она кивнула.

– Да, у некоторых дворцы не уступают королевскому.

– Ладно, – сказал я, – спи.

Она застенчиво улыбнулась.

– Я еще никогда не спала с мужчинами. Вот так, в одной постели. Говорят, так только у самых бедных крестьян... А вы, Юджин, полководец...

– Что-что? – перепросил я.

– Не придворный, – пояснила она. – Вы утолили мужской голод и... все. Ничего сверх. Из того, что требуется пресыщенным глердам двора. Кем бы вы ни прикидывались, но в постели каждый мужчина себя выдает, кто он есть и чего стоит. Вам не нужно никаких утех...

– Гм...

– Вы ворвались в меня, – пояснила она, – как захвативший крепость полководец. Крепость ваша, а все ее украшения вам неинтересны.

– Любопытное сравнение, – пробормотал я.

Она посмотрела на меня серьезными глазами.

– Глерд, не буду от вас скрывать... красивой, но бедной девушке, это я о себе, приходится уживаться при дворе, уступая домогательствам и желаниям высшей знати. Для того нас и набирают, чтобы распаленные страстью вельможи не уходили по ночам в притоны на окраину города, где их могут ограбить и даже зарезать... Потому я уже научилась разбираться в мужчинах. От вас будет многое зависеть в этом мире, глерд!

– Спасибо за пророчество, – сказал я, – хотя я в них не верю.

– Я тоже, – сообщила она. – Это не пророчество, а понимание мужской сути. Всегда вы таким были или недавно взматерели, неважно. Сейчас вы настоящий, каким должен быть мужчина. И мне хорошо и защищенно в кольце ваших рук... Кстати, голова уже не болит, а чувствую я себя так хорошо, как никогда в жизни.

Я развернул ее к себе задницей, подгреб ближе, вжимая в себя ее мягкое нежное тельце. Так и заснули, как сложенные в кухонном ящике столовые ложки.

Наверное, чтобы лучше понять женщину, проще всего провести с нею ночь под одним одеялом. Утром я проснулся первым и некоторое время смотрел на это теплое и беззащитное существо, что, как бы мы ни поворачивались во сне, все равно подгребалось ближе и почти заползало на меня, инстинктивно ища защиты у более сильного и свирепого существа.

Она сняла не только одежду, но и роль, которую играет при дворе, поняла женским инстинктом, что с настоящими мужчинами, а меня считает именно таким, это бесполезно и даже вредно. И вот теперь у меня вместо настороженности только жалость и желание чем-то помочь, но, увы, в такой помощи нуждается все население этого королевства и всех остальных.

Осторожно начал выползать из-под ее теплого нежного тела, сперва переложил кудрявую головку с эротично распущенными волосами с моего плеча на предплечье, аккуратно сдвинул согнутую ногу с моего пуза.

Карелла жалобно прошептала что-то, не просыпаясь, а я наконец поднялся, тихонько оделся и бросился к маленькому столику, где вчера оставил стрелы.

Никаких стрел, никакого следа. Значит, все-таки несколько часов они держатся. Сколько точно, выясним в другой раз. А вот примитивный камешек все еще лежит.

Осторожно приоткрыл дверь, придержал, чтобы не стукнула, и вышмыгнул в коридор.

Двое гвардейцев внизу у лестницы коротко переглянулись, но смолчали, их работа реагировать на вторжение, а я сказал наставительно:

– Завидовать нехорошо!

И гордо прошел мимо.

Понсоменер зашагал рядом так неожиданно, что я вздрогнул, вот бы так научиться, я бы даже не знаю, ну, сперва, конечно, подкрадывался и гавкал над ухом... хотя нет, пора кончать с этой дурью, я же теперь знатный глерд и вообще обладаю силой, так что надо вести себя иначе, но как... еще не понял. Точнее, не определился.

– Коней седлать? – спросил он.

– Разве уже не утро? – спросил я бодро. – Фицроя искать нужно?

– Нет, – ответил он. – Я знаю, где он.

– Тогда и седлай, – сказал я, – и Фицроя приведи, а еще маковые зерна в мешке пересчитай.

– В каком мешке? – спросил он.

Я посмотрел на его серьезное лицо.

– Ух ты, в самом деле можешь. Ладно, мешок ввиду особых обстоятельств пока отменяем. Седлай коней. Три нам и три в запас.

Он кивнул и удалился, вроде бы уходил медленно, но как-то слишком быстро исчез, что-то у меня с восприятием пространства-времени...

Издали донесся веселый голос:

– Все равно я поднялся раньше всех! Пришел, здесь никого и... отлучился ненадолго. Понс с лошадьми?

Я обернулся, Фицрой идет от группы щегольски разодетой молодежи бодрый, веселый, чуточку хмельной и самый яркий, как павлин в знойном солнечном свете среди простых петухов и кур.

– С лошадьми, – ответил я, – слушай, ты такой нарядный... Может быть, оставить тебя на потеху местным глердессам? Жалко такого тащить через лес, где тролли, веппи и вот такие лягушки, а то и вовсе жабы, даже жабищи.

Он изумился:

– Тебе что, меня жалко?

– Одежду, – пояснил я. – Ты же у нас экспонат.

Он беспечно отмахнулся.

– Как только выедем за город, переоденусь. У меня в мешке всегда есть дорожная. А та, что ты у Рундельштотта спер, всегда на мне!

– Хитер, – согласился я. – Ладно... а вон и Понс!

Понсоменер вывел трех коней, за ними еще трое с мешками, у двух за седлом, а у одного свисают по обе стороны.

Фицрой лихо вскочил в седло, я вставил кончик сапога в стремя, начал разбирать повод, как за спиной раздался хриплый вопль:

– Что... а где мой конь?

Стражники у башни Рундельштотта весело смотрят вслед старому мастеру, а он, пошатываясь, двигается зигзагом к нам, всклокоченный и с опухшим то ли от пьянства, то ли от недосыпа лицом.

Фицрой гыгыкнул, пьяных все любят, а я спросил настороженно:

– О чем вы, профессор... э-э... мастер?.. Мы уже вернулись, все в порядке! Отдыхайте. Это не Уламрия, правда-правда!.. Видите вон дворец? Правильно, это королевский... А в нем ее величество королева Орландия.

– У вас такое вино, мастер, – сказал Фицрой с завистью и облизнулся, – что можно всю жизнь провести на ложе с чашей в руке. Даже без баб, хоть и недолго. А с бабами долго.

Рундельштотт огрызнулся:

– Я еще не выжил из ума!.. Не надо мне вот такое!.. Здесь, по мнению ее величества, я потерпел крах и едва не погубил все королевские драгоценности, хотя чувствую, что кое-что удалось... но на новом месте могу если не совершить нечто, то хотя бы увидеть это новое!.. Так что еду с вами.

Я сказал мягко:

– Мастер... После того как удалось вернуть принцессу, королева сама вас будет целовать в задницу и сделает для вас все, что пожелаете. Может быть, не стоит?

Он покачал головой.

– Она не сделает того, что мне нужно. А замка и слуг мне как-то не требуется. Это мальчишек нетрудно купить такой ерундой.

Фицрой заулыбался шире, даже Понсоменер посветлел лицом, а я сказал:

– Мастер, без вас мы провалили бы дело, вы несколько раз спасали наши шкуры. Так что вы имеете право...

– На отдых, – вставил Фицрой.

– И даже с нами, – закончил я, – только не жалуйтесь, будет трудно.

Понсоменер молча подвел Рундельштотту его прежнего коня, уже оседланного и с вещевым мешком позади седла.

Рундельштотт посмотрел на него пристально, но смолчал, а Понсоменер выждал, когда чародей вставит носок сапога в стремя, и помог подняться на конскую спину.

– Минутку, – сказал я, спохватившись, – я мигом... Одна нога здесь, другая там.

Они провожали меня недоумевающими взглядами, а я вбежал в башню, поднялся на самый верх, прыгая через две ступеньки, а там, влетев в лабораторию с Зеркалом Древних, открыл стрельбу с двух рук сперва в зеркало, но там ничего не произошло, пули уходят как в туман, а когда сообразил, что стараюсь зря, шагнул ближе и начал методично всаживать разрывные пули в стену по кромке Зеркала.

Гранитные блоки уступают нехотя, пули высекают глубокую борозду, а если бы строили из простого кирпича, просаживало бы насквозь.

Я перевел дыхание, зашел с другой стороны, но когда и так прорубил канаву, зеркало против ожиданий осталось таким же прилипшим к стене. Сцепив зубы, прострелил канавку и снизу, попробовал отодрать. Сверху крикнуло, тяжелая рама поползла по стене вниз, тяжело ударила краем о пол.

– Минуточку, – сказал я хрипло и пощупал поверхность, попробовал надавить, но теперь это всего лишь твердая пластина из неизвестного металла, если кому придет в голову, что через нее можно проходить, тот наверняка сумасшедший.

Фицрой и Рундельштотт с интересом оглянулись на грохот моих сапог, когда я выскочил из башни. Понсоменера с ними нет, а Фицрой крикнул:

– Помочь?

– С королевой не попрощался, – крикнул я и ринулся в сторону главного корпуса. Придворные по дороге почтительно кланяются, я пронесся через холл, взбежал наверх, а там гвардейцы забеспокоились, когда я с решительным видом устремился к двери королевского кабинета.

Один из дежурящих в коридоре слуг торопливо выступил навстречу и спросил в нерешительности:

– Вам... назначено?

– Мне всегда назначено, – отрубил я.

– Но... где сопровождающий?

– Мне без надобности, – ответил я и, отпихнув, распахнул дверь. В кабинете королевы три ее фрейлины, Джеффрина, Аннароза и Карелла, устроились на крохотных скамеечках у трона, у королевы у руках длинный свиток.

На меня оглянулись в испуге, я сказал быстро от порога:

– Кони уже оседланы, ваше величество, мои спутники меня ждут! Но я забежал на минутку, чтобы, рискуя навлечь на себя ваш гнев, напомнить об одном незаконченном деле.

Фрейлины притихли, рассматривая меня с испугом и любопытством.

Королева произнесла холодно:

– Глерд?

Я указал взглядом на фрейлин, она сделала небрежное движение пальцами, и все три, послушно поднявшись, упорхнули мимо в коридор, обдав меня мощным запахом духов, а Карелла постаралась задеть и одарить нежным напоминающим взглядом.

Едва за ними захлопнулась дверь, я сказал негромко:

– Зеркало Древних.

Королева вздрогнула, зрачки сузились, явно тоже иногда о нем вспоминает с тревогой.

– Что с ним?

– Пока ничего, – пояснил я осторожно, – однако побаиваюсь, что в принципе умному человеку можно найти другой способ, чем отыскал Рундельштотт. Более дешевый и простой. А это очень даже не в ваших интересах, как я понимаю.

Он спросила быстро:

– И что предлагаете?

– Либо уничтожить, – ответил я, – либо поставить в ваших личных покоях. Где никто, кроме вас, не сможет его даже увидеть. Я его уже подготовил к транспортировке.

Она не сводила с меня испытующего взгляда.

– Странно, что предлагаете такое именно вы.

– Ваше величество, – ответил я смиренно, – мне так понравилось здесь, теперь меня палкой не выгнать обратно.

Ее губы слегка дернулись, то ли удержала язвительную усмешку недоверия, то ли признак раздражения на слишком заметную брехню.

– Зеркало уберем, – ответила она сухо. – Хотя по сравнению с угрозой вторжения войск Антриаса...

– Мониторите? – спросил я. – В смысле, следите за продвижением его войск?

Она наклонила голову.

– Конечно. Докладывают ежедневно. Мне показалось, он очень рассчитывал использовать Андрианну. Сейчас даже не знаю, ускорит нападение или замедлит, придумывая что-то еще.

– Оба варианта хороши, – сказал я почтительно. – Но войска короля Астрингера, как я вам уже сообщил, занимают позиции на границе. Везде строятся засеки и защитные полосы, так что Антриаса встретят достойно.

– Если ничего нового не придумает, – сказала она усталым голосом. – Но все равно мы не сдадимся.

Я отступил на шаг, поклонился.

– Позвольте откланяться, ваше величество. Я рад, что во главе вашего вполне демократического правления стоит самодержец, который железной рукой ведет королевство к победе и всеобщему счастью.

Она кивнула с самым кислым видом, я отступил еще, повернулся и вышел в коридор.

Глава 5

Все три фрейлины скучились в дальнем конце коридора, шепчутся. Я махнул им рукой и указал на дверь королевского кабинета широким жестом, дескать, можете вернуться, а сам прибавил шаг, чтобы не догнали.

Гвардейцы и слуги сделали вид, что вообще меня не видят, а я сбежал вниз, на первом этаже придворные прохаживаются парами и группками, степенно беседуют, раскланиваются. Я быстро направился к выходу, как вдруг ощутил острый холодок между лопатками.

Нечто подобное чувствовал во дворце часто, слишком многим встал поперек горла, но привык отсеивать, мало ли что не нравлюсь кому-то, даже остро не нравлюсь, мне тоже многое и многие не нравятся, ну и что, не повод бросаться с топором, но сейчас кольнуло настолько остро, словно кто-то в самом деле подкрадывается с обнаженным кинжалом.

Ко мне действительно быстро идет молодой глерд в богатой, но сшитой без вычурности одежде придворного. Я обернулся, он тут же изменил направление и прошел мимо, а я уловил злость и разочарование, типа какая жалость, но ничего, в другой раз.

Не оставляя его взглядом, я выждал чуть и двинулся следом. Он умело двигался по узким коридорам, успевал свернуть, слышав шаги стражей, затаивался в нишах, пропуская мимо себя беседующих придворных.

Чем-то я себя выдал, он резко обернулся, глаза в испуге расширились, а рука метнулась под полу камзола.

– Стоять! – рыкнул я.

Он выхватил кинжал, я едва-едва успел уклониться, второй замах перехватил на полпути, вывернул руку и, с хрустом сломав запястье, отобрал кинжал.

– Замри, – велел я, – иначе умрешь страшной смертью.

Он, кривясь от боли, проговорил с трудом:

– Чего вдруг...

– Чего не убью? – договорил я. – А зачем убивать простых исполнителей? Ты и мои приказы будешь выполнять за хорошую плату, а вот твой хозяин как был мне врагом, так им и останется. Кто послал?

Он прошептал:

– Ты меня убьешь...

– Лев мышей не давит, – ответил я с презрением великого глерда. – Кто тебя послал? И что велел?.. Хозяину твоему в любом случае придет конец, так или иначе я его вычислю, а вот жить или умереть тебе – в твоих руках.

Он сказал слабо:

– Это герцог Лонгшир...

– Зачем ему я?

– Не знаю, – ответил он стонуще. – Слышал только, что мешаете его планам и... планам других людей.

– Каких?

– Не знаю, – проговорил он. – Но герцог говорил о них с огромным почтением...

– Понятно, – сказал я. – Хорошо, я тебя отпускаю.

Он с облегчением перевел дыхание, но в моей ладони уже пистолет, выстрел грянул негромко, а дыра во лбу тут же закупорилась изнутри сгустком крови.

По отношению к нему, мелькнула мысль, я в некоторой мере неблагороден, кто-то из недругов со злорадством будет кричать о недостойном поступке, но я же политик, а политик старается блюсти права общества. Права отдельных людей тоже хорошо бы, но это как получится.

Из двух зол надо выбирать меньшее, из двух добров – большее. Вот я и выбрал с позиции чистого разума, как и велел Гегель, чисто по-человечески логично и правильно.

Когда вышел из дворца, там народу уже прибавилось, кроме щеголеватых гвардейцев появились и первые придворные из немолодых, а Фицрой вскричал бодрым голосом:

– Ну ты и улитка!.. Хотя да, королева, а мы тогда кто?

– Чуть задержимся, – объявил я. – Нет-нет, откладывать на завтра не будем, нужно только сперва кое-что выяснить... Да не мы, это пусть выясняет Картер. А вы пока проверьте, ничего ли не забыли. А то потом начинается!

Рундельштотт спросил серьезно:

– Что-то случилось? Чую кровь...

– Вот уж нет, – возразил я. – Крови почти не было. У меня к ней что-то все больше некоторого неодобрения.

Фицрой подпрыгнул в седле.

– Без крови?... Ну ты и чудовище!

Понсоменер проговорил негромко:

– Начальник королевской охраны. Идет к нам. Очень зол.

– Все спокойно, – велел я.

В нашу сторону широкими шагами через заполняющийся придворными двор перед главным зданием двигается Картер, как могучий бык, раздвигая стадо коз.

Взгляд его цепких глаз сразу требовательно уперся в меня. Я подумал и решил не слезать с коня, а то вдруг поймет как-то не так, хотя вообще-то меня все понимают не так.

– Глерд, – сказал Картер строго, – вы были в главном здании?

– Был, – согласился я.

– Что там случилось, вы знаете точно?

Я любезно улыбнулся.

– Вообще ничего не знаю. А что случилось?

Он вздохнул, покачал головой.

– Ну конечно, вы всегда в стороне. В одной из проходных комнат нашли тело убитого.

– О, – сказал я заинтересованно, – несчастная любовь? Ревность?... Кто убит, любовник или муж?... Хотя мне вообще-то никого не жалко.

Он посмотрел на меня с укором.

– По одежде глерд среднего достатка, но никто не мог его признать. Сейчас ведется дознание, как незнакомец прошел в самое охраняемое здание. Пусть и не на самый верх, но все же...

Я спросил с сомнением:

– Так что тот, кто его убил, естественно, из ревности, сделал вам услугу?

Он кривился.

– В какой-то мере. Но я предпочел бы взять его живым. Зачем вы его убили?

Я охнул.

– Глерд, я думал, мы друзья, а вы на меня такое!.. Как можно без всяких на то оснований?

– Рана больно странная, – буркнул он без приязни в голосе. – Ладно, если собрались ехать, к вам претензий нет, можете убираться. Без вас спокойнее.

Я улыбнулся ему чарующе.

– Я вас тоже люблю, глерд. Искренне, но по-братски. Ребята... в путь! Можно пока без песни, чтобы народ не пугать.

– Народ пугать надо, – заявил Фицрой, – но петь все равно не буду.

Понсоменер тронул коня и привычно поехал впереди. Рундельштотт взглянул на меня в нерешительности, но я придерживал коня, и он пустился догонять Понсоменера.

Фицрой мигом поравнялся со мной, пахло запахами по крайней мере трех сортов вин, когда он только успел, но глаза блестят живо, тут же спросил шепотом:

– Кто тот убитый, не узнал?

– А я при чем? – буркнул я. – Это дело королевской охраны. Мы скоро вернемся к своему флоту.

Он всмотрелся в меня хитрыми глазами.

– Точно ни при чем?.. И не связано с возвращением принцессы?

Я подумал, пожал плечами.

– Вот это не знаю. Возможно, пятой колонне пришлось перейти к запасному плану. Какому? Не знаю. Но если Антриас не дурак, а он точно не дурак, то наверняка подстраховал каждый шаг. Или хотя бы важные шаги.

– Думай, – сказал он, – чтоб не застало нас врасплох.

– Нас? – спросил я. – Фицрой, ты вообще-то кто?

Он нагло рассмеялся.

– Еще не понял? Вот и хорошо, а я не скажу. Ты собираешься проследить ниточку или же сразу, как всегда, к главному?

– А что я ему скажу? – поинтересовался я. – Этому главному?

Он изумился:

– Скажешь? Что-то новое. Я думал, сразу в лоб!.. Стареешь, умничать начинаешь.

Гвардейцы у ворот королевского сада распахнули обе створки, а офицер отдал честь. Я помахал рукою, а Фицрою буркнул:

– Начинаю. Что-то меня метаморфозит. Чем становлюсь сильнее, в смысле – старше, тем больше трушу. Все думаю, а вдруг не так, а вдруг неправомерное применение силы.

– Чего-чего? – переспросил он в диком недоумении. – Это чего такое?.. Как может быть сила неправомерной в наших благородных руках? Другое дело, если у противника, а то и вовсе у врага... Мы же всегда правы, не знал?

– Если бы не знал, – согласился я, – то не спал бы так крепко. Пока что совесть не мучает. Так, иногда попискивает...

– Придуши, – посоветовал он. – Ишь, распискивалась!.. Нечего попискивать в серьезных делах.

– В серьезных, – согласился я, – не до совести.

– Я же вижу, – сказал он, – ты нацеливаешься на что-то серьезное, тут не до попискивания.

Я взглянул исподлобья.

– Что, заметно?

Он ухмыльнулся.

– Еще бы. Можно подумать, ты потерял дар Улучшателя, но мне со стороны виднее. Ты ничего не теряешь, а только гребешь к себе, как всякий зверь. За это время у тебя аппетиты выросли, уже не до прялок...

– Только бы другие не заметили, – пробормотал я. – Прибьют!.. Надо осторожненько. У нас же ничего нет, кроме силы.

Он вытаращил глаза.

– Так чего тебе еще?

– Не прикидывайся, – посоветовал я. – Ты не настолько прост, как рисуешь себя для нас, таких наивных и доверчивых, что даже бить их рука не поднимается.

Понсоменер и Рундельштотт впереди проехали под аркой городских ворот, дальше распахивается такой чистый и ясный простор, словно там вообще не ступала нога человека.

Здесь не гвардейцы, стражники попроще, но и они, похоже, слышали о моей грозной славе, выпрямились и проводили меня блистающими глазами.

Ехали, время от времени переходя на рысь, в прежнем порядке: Понсоменер впереди, я следом, дальше Рундельштотт, а за ним, то догоняя, то отставая, Фицрой, но быстро устал нести караульную службу, я услышал настигающий стук копыт, рядом оказался такой же разукрашенный конь, как и сам Фицрой, кто-то из них спросил:

– Не люблю тащиться по уже знакомой дороге.

– Что делать...

– Что делать, – сказал он сварливо, – где-то да существуют монги?.. Я бы рискнул! Лежал бы и пил вино, а через сутки – ура, внизу Дронтария!

Рундельштотт услышал, придержал коня.

– Монги часто горят, – сказал он сердито. – Там благородной магией и не пахнет! Какой-то Улучшатель придумал в древние времена, но так с тех не появился Второй, чтобы довел до ума. Третий тех, кто пытается улететь, гибнет.

Я вздохнул.

– Нас это не устраивает. Но, обещаю, займемся этим. И будем передвигаться быстрее, чем те неуклюжие чудовища.

Они посмотрели на меня с таким уважительным ужасом, что я поспешно пустил коня к Понсоменеру, тот ничему не изумляется, даже не удивляется, надо будет как-нибудь поговорить с ним о межпланетных путешествиях и яблонях на Марсе.

Город скрылся за очередным поворотом дороги, теперь лес спереди, сзади и по бокам, мир юн, чист и неводелан.

Фицрой повертел головой по сторонам, оглянулся на Понсоменера.

– Тоже чуешь?

– Еще далеко, – ответил Понсоменер. – И не готовы.

Я потребовал сердито:

– Вы, умники, о чем разговариваете?

– О вовколаках, – сообщил Фицрой небрежно. – Пока их двое или трое. А чтобы напасть, им нужна стая.

Я вздохнул с облегчением.

– Значит, не нападут?

– Нападут, – заверил Фицрой. – Когда соберут стаю.

– А когда...

– Да уже почти собрали, – заверил он успокаивающе. – Или еще чуть...

Понсоменер покачал головой.

– Собрали. Сейчас нюхают наши следы и прикидывают, бежать следом или обогнать и напасть спереди и с боков.

– И что решили?

Он не понял юмора, ответил очень серьезно:

– Побегут следом, а также обгонят, а еще нападут и с боков.

– Скажи проще, – посоветовал Фицрой, – окружат. И сожрут.

– Вот уж чего не люблю, – сказал я, – так это воевать с животными. Я из королевства, где животные всегда правы, а люди всегда виноваты. Перед животными и женщинами виноваты как-то совсем уж изначально.

Рундельштотт пробормотал:

– Наверное, потому, что сильнее и умнее?

– Именно, – сказал я недовольно. – Какое же равноправие, когда от нас требуют больше?

– Равноправие? – переспросил Рундельштотт с интересом. – А что это?

Я запнулся, с трудом выявил:

– Очень хорошая штука в теории, но ужасная по ударной мощи воздействия. Способна стереть с лица земли целые королевства, а их земли отдать тем, кто не купился на демократию. Отогнать этих тварей как-то можно?

– Женщин? – спросил Фицрой. – Я им лучше сдамся!

– Не видел ты настоящих раскрепощенных женщин, – буркнул я. – А отпугнуть их чем-то не? Репеллентом или пугалкой? Запахом хищника, которого боятся?

Фицрой хохотнул.

– Этого хищника надо добыть, содрать шкуру, чтобы еще свежей была и сохраняла запах... Но мне кажется, любой вовколак сдерет с тебя шкуру раньше. Если, конечно, ты выйдешь с ним на честный бой.

– В жопу твою честность, – огрызнулся я. – Щас я буду на кулаках драться с медведями!.. Я демократ, знаешь ли, в теории. Ты демократа скреб? Ну то-то. Пока я хожу по этой земле, я пользуюсь ее правилами.

– Ага, – сказал он с удовлетворением, – значит, стальную стрелу в лоб?

– Придется, – ответил я со вздохом. – Не люблю... Не такой уж я и миротворец, но когда убиваешь противника, тем самым признаешь себя дураком, не сумевшим переубедить... А я позиционирую себя как интеллектуала! Это значит настолько умного, что и шнурки себе на башмаках уже сам не завяжу, надо по слуге на каждый.

Я умолк, глядя на Понсоменера, он остановился и ждал на развилке дорог. Фицрой сказал в нетерпении:

– Чего встал? Даже я помню, мы приехали вон по той!.. Видишь, дуб с растопыренными? Я еще сказал, что на тебя похож. Чем-то.

Понсоменер молча взглянул на меня, а я сказал торопливо:

– Диспозиция меняется. Едем не прямо в Дронтарию, а по дороге сперва закосим в гости к одному типу... Правда, дело касается только меня, так что можете двигаться дальше по прямой, я вас догоню.

Рундельштотт спросил удивленно:

– Что с тобой? Зачем тебе какой-то тип?

– Только спросить, – ответил я, – зачем ко мне подсылал убийц прямо во дворец. И будут ли еще. Все-таки герцог Лонгшир не последний человек в королевстве, у него есть связи и возможности.

Рундельштотт охнул.

– Ничего себе... Это из-за принцессы?

– Частично, – ответил я и уточнил сразу: – Думаю, агентура Антриаса не спит, отрабатывает деньги госдепа. Должен же у них быть какой-то запасной план? А я так, мелкий камешек на дороге.

– Который все же нужно убрать, – сказал Фицрой с подъемом. – Везет тебе, Юджин!.. Иногда и мне хочется тебя прибить, но это не чаще, чем пару раз в день, а эти так и вовсе... Но если убийцу присылал герцог, то наверняка не из лесной избушки... Как думаешь брать его замок? Штурмом или некой осадой, что еще быстрее штурма?

Я помотал головой.

– Никаких драк. Пора переходить к дипломатии.

Фицрой поморщился, заявил решительно:

– Не хочу быть умным! Это так скучно и неприбыльно.

– Успокойся, – утешил Рундельштотт. – Глерд Юджин шутит. Ты посмотри на него! Он что, выглядит умным?

Фицрой внимательно оглядел меня с головы до ног.

– Нет, – ответил он честно.

– Ну вот, – сказал Рундельштотт, – все будет по-прежнему. Слово за слово, это чтоб начать по-умному, мы же двигаемся к культуре и просвещению, а потом по-старому... Как думаешь, Понсоменер?

Понсоменер, если и удивился, что интересуются его мнением, ответил ровным голосом:

– Старые методы надежнее.

Фицрой с облегчением перевел дыхание.

– Люблю проверенные решения, – сказал он с чувством. – Не надо умничать, когда можно все легко и просто. На этом мир стоит! Мы же люди? Хотя насчет тебя не уверен.

Глава 6

Среди леса начали подниматься каменные стены гор. Через пару часов справа и слева воздвиглись так высоко, что мы двигались как по широкому ущелью. Потом стены сдвинулись, зеленая трава внизу уступила место каменным россыпям, теперь это в самом деле ущелье, даже видно, как узор на одной стене из серого гранита продолжается на другой.

Камней, свалившихся с вершин и выпавших из стен, многовато, приходится лавировать между ними, но меня больше тяготят сами горы, чувствую себя букашкой, которую так легко задавить сорвавшимся сверху камнем. И хотя умом понимаю, что такие камни срываются с высоты раз в тысячу лет, иначе горы уже рассыпались бы к нашему появлению, но инстинкты уму не подчиняются и ничего не слушают, страшно, и все, а плечи горбятся сами по себе.

Впереди слева страшно и мощно заблестало. Я оторопел: там стена залита золотым огнем, отчетливо видно, как сверху текут струи расплавленного золота, хотя, присмотревшись, я вздрогнул: жидкое золото течет и вверх по стене, перемешиваясь со встречными струями!

Рундельштотт озадаченно покачивал головой, Фицрой смотрит жадными глазами на несметное богатство, только Понсоменер впереди поднял голову и спросил:

– Что там?.. Ах, это... Камень, просто камень.

Я всмотрелся, да это же... разлом горы прошел по мощной кварцевой жиле, вон продолжается на той стороне, но солнце освещает только левую часть, потому она и залита жарким огнем, а та, что в тени, выглядит скромно и тускло.

Фицрой тоже наконец сообразил, а Понсоменер даже не обратил внимания, блестит и пусть блестит, подумаешь, только Рундельштотт смотрит восторженно, даже про усталость на время забыл, все чародеи, женщины и сороки обожают блестящее.

В двух местах стены ущелья на огромной высоте соединены каменными мостами, совершенно бессмысленными и созданными точно не людьми, а хитроумной природой, кому, кроме птиц, нужен мост, на который не спуститься и не подняться? Вот уж искусство ради искусства, а человек все же тварь практичная, хоть и брешет насчет идеи, но за свои художества жаждет получить гонорар, да побольше, побольше...

Впечатление такое, что когда каменный пласт раскололся и стены начали раздвигаться, то были вязкие, как мокрая глина, даже как клей, а потом все вот так и застыло. Клейкие нити между стенами окаменели, хотя, понятно, это абсурд, но что в нашей жизни не абсурд?

Рундельштотт пару раз посмотрел на меня внимательно и, как мне показалось, насмешливо. Наконец сказал доброжелательно:

– Не ломай голову.

– Почему?

Он отмахнулся.

– Некоторые вещи нужно принимать такими, какие есть. Не доискиваясь.

– Понимаю, – ответил я задиристо, – почему здесь наука даже не просыпается. Мы, философы, все подвергаем сомнению, как сказал один из великих вождей угнетенного народа.

Он переспросил непонимающе:

– Какого-какого народа?

– Угнетенного, – пояснил я. – Народ всегда угнетенный, других не бывает. Если не угнетенный, то какой это народ? Даже не человеки, а так, черт-те что. Наверное, химеры какие-то. А когда есть угнетенный народ, то есть и угнетисты. Угнетатели, как говорят в народе.

Он поморщился.

– Ну да, если такие философы, то и народ такой. Далеко владения герцога? А то я знаю только направление.

– К сожалению, – ответил я, – далековато. Но близко. К.

– Понятно, – сказал он, – в таких случаях местные глерды часто принимают покровительство сюзеренов соседних королевств. Дескать, мы на окраине королевства, а когда короли дерутся, можно вообще отколоться и жить отдельным герцогством. А потом, глядишь, и королем себя объявить.

– Боюсь, – проронил я, – здесь еще хуже.

– Что может быть хуже?

– Антриас, – ответил я коротко, но Рундельштотт смотрел с непониманием, я пояснил без особой охоты: – Антриас – военный гений. Интуитивно ищет и находит новые методы войны. Я бы рискнул сказать, что он тоже Улучшатель, но только в стратегии войны и военных действий!..

– Нащупал что-то новое?

– Да, – подтвердил я. – Сейчас он создает основы гибридной войны.

– Какой-какой?

– Гибридной, – повторил я со вкусом. – Когда победу армии готовит пятая колонна мерзавцев, оппозиция королевы и сепаратистские настроения всяких там меньшинств, а то и просто бунтарей по натуре и недостаточному развитию коры головного мозга. А он их не просто подогревает...

– Разжигает?

Я сказал невесело:

– Все верно схватываете, мастер. Неужели везде все так одинаково? Хотя да, это же война, а что в ней нового?.. Именно разжигает и тратит на этот мерзкий процесс немалые деньги. Дабы потом отыгаться и все вернуть стократ и с лихвой. Репарациями.

Фицрою надоело слушать непонятное, это Рундельштотт вцепился в меня, как голодный клещ в толстого и сытого щенка, начал засыпать вопросами. Среди бестолковых, к моему удивлению, попадались и дельные, я ощутил, что старый мастер начинает выстраивать некую новую систему понятий, странную и для него непривычную, но все же работающую.

– Ты... стратег, – проговорил он наконец с величайшим уважением. – Так все увязывать!

Мне стало неловко, я отмахнулся.

– Мастер, таких стратегов на монетку кучка. Не вздумайте рассчитывать на меня, как на стратега. Из меня даже тактик никакой.

– В самом деле?

– Только в одиночном бою, – подтвердил я, – но и там не сразу соображаю... Торможу чаще, чем хотелось бы.

– А хотелось?

– Нет, – буркнул я, – так говорится. Хотя не знаю, почему. Так что будем учиться все вместе.

Он кивнул, заговорил об Антриасе, я в ответ как мог популярно рассказал о благоприятной на определенном этапе роли самовластия, когда самодурство многих мелких корошков ограничено железной властью одного самодура. Один самодур лучше, это всегда расцвет культуры, архитектуры и всего, что зовется прогрессом, но потом, конечно...

– Ладно-ладно, – прервал он, – дальше вообще, чувствую, пойдут страшные вещи.

– Так как создавать вино? – спросил я тут же. – Чтобы надолго?

Он поморщился.

– Планируешь создавать запасы? Не зная, где завтра ночевать будешь?

Понсоменер остановился впереди, обычно так привлекает внимание таких ротозеев, как мы, иначе можем проехать и не заметить что-то необычное.

Когда мы приблизились, лошадь Рундельштотта вздернула голову и, насторожив уши, тревожно ржанула. Я в беспокойстве оглянулся, еще одна из наших запасных повернула голову в сторону дальних кустов.

Понсоменер сказал несколько напряженно:

– Там за кустами люди!.. И у них кровь на топорах!

– Быстро в круг, – велел Фицрой. – Не совсем хорошо, что вон те заросли подступили близко.

Я поднялся во весь рост, прокричал:

– Эй, мы видим вас!.. Кто бы вы ни были, но вам лучше поискать другую добычу!

Рундельштотт пробормотал:

– Нехорошо. А другие чем виноваты?

– Другие пусть сами, – огрызнулся я. – Эволюционный отбор!

Кусты распахнулись сразу в десятке мест, в нашу сторону ринулись с дикими воплями крепкие мужики с топорами в руках. Я машинально отметил, что Понсоменер как-то угадал, ни у одного ни меча, ни ножа, у двух передних кровь на лезвиях.

Фицрой крикнул:

– И это все?

Понсоменер выхватил стрелу из тулы, я увидел только стремительное движение, как он накладывает стрелу на тетиву, щелчок, и вторая стрела на тетиве... Щелк, щелк, щелк – четыре стрелы в воздухе, но разбойники не успели сделать второй шаг, как четверо передних пошатнулись, роняя топоры и хватаясь за древка вонзившихся стрел.

Фицрой заорал оскорбленно и прыгнул вперед, размахивая мечом.

Рундельштотт чуть пригнулся, губы шевелятся, мне показалось, что старый чародей спокоен, то ли успел приготовить защитное заклятие, то ли уверен, что справимся.

Я пригнулся тоже, руки изготовил в позицию для стрельбы. Рундельштотт осторожно шагнул вперед.

– Там еще пятеро. Странно, как будто чего-то ждут...

– И спрятались хреново, – согласился я.

Понсоменер оглянулся в нашу сторону.

– Бей, – разрешил я.

Он поднял лук в позицию для стрельбы, я снова залюбовался отточенным артистизмом, когда молниеносные движения превращаются в блюз, пять стрел ушли одна за другой.

Рундельштотт с сомнением смотрел, как он опустил лук.

– Что, уже?

– Прятались плохо, – ответил Понсоменер ровно. – Почему-то.

Его лошадь, повинувшись хозяину, послушно двинулась через кусты. Те распахнулись неохотно, но сила солому ломит, мы продрались на ту сторону, мужики какие-то странные: откормленные и жилистые, все как один, и у всех под тряпьем добротные кожаные доспехи.

Понсоменер покинул седло и принялся выдергивать стрелы, впереди затрещали кусты, Фицрой возвращается торжествующий, на ходу вытирает лезвие меча клочком рубашки убитого.

– Главное достал! – сообщил он гордо. – Представляете, в кольчуге был!.. Хорошо живут разбойники!

– Это были не разбойники, – буркнул Рундельштотт.

Он развернул коня и галопом послал его обратно. Фицрой с интересом посмотрел старому чародею вслед.

– Я тоже так подумал. Нас преследуют?

– Похоже.

Из-за дальних кустов, где мы неосторожно оставили коней, раздался горестный крик.

– Рундельштотт! – вскрикнул Фицрой.

Его конь сорвался с места, как гончая, зачужавшая совсем близко зайца. Я послал своего следом, наши запасные кони на месте, как и мешки, но Рундельштотт в отчаянии вздымает к небу руки.

– Мастер! – заорал Фицрой. – Что стряслось?

Рундельштотт прокричал в отчаянии:

– Они украли мою сумку!.. Это все было нарочно...

Фицрой спросил быстро:

– Что нарочно?

Рундельштотт в бессильном отчаянии опустился на землю, упершись спиной в ствол дуба.

Я оглянулся на трупы.

– Мне тоже показалось, что маневр был отвлекающим.

– О чем ты говоришь? – спросил Фицрой.

– Вон даже Понсоменер понял, – ответил я. – Этих послали в лобовую атаку, а кто-то мелкий и не такой заметный украл сумку Рундельштотта. Что плохо, но... и хорошо.

Рундельштотт прошипел злобно:

– Что хорошего? Я бессилен!

– Хорошо то, – объяснил я, – что обо мне, похоже, не знают. Или не принимают в расчет. Ваш посох с вами, мастер!.. Одежда тоже, остальное соберем по дороге.

Фицрой пробормотал:

– А если наш колдун в самом деле готовил что-то необыкновенное?

– Спасибо на добром слове, – буркнул Рундельштотт. – Я в самом деле собирался обеспечить вам незримость на несколько часов, если наступит опасный момент.

Фицрой изумился:

– Опасный? Откуда?.. У нас они все опасные, иначе как жить?.. В неопасном засыпаю на ходу, такое у меня свойство замечательного и светлого характера. Но коней, конечно, надо оберегать лучше. Эти мерзавцы могли бы попытаться угнать всех!..

Понсоменер подъехал ближе, тоже чистит от крови наконечники добытых стрел, заметил мирно:

– Мы бы их догнали, понимают. С чужими конями быстро не поскачешь. А украсть сумку и спрятаться в лесу намного проще.

– Поехали, – сказал я. – Враг совершенствует свои трюки. Вообще-то едем достаточно безопасно.

– Будем бдить, – пообещал Фицрой.

Глава 7

Понсоменер остановил коня на вершине небольшого холма, ладонь ребром у глаз, защищая от слепящего солнца, спина прямая, а плечи широкие, настоящий первопроходец новых диких земель.

Мы ехали шумной толпой, как цыгане по Бессарабии, он не оглядываясь указал на далекие дымки.

– Если поедem по этой дороге, оттуда нас увидят.

– А кто там? – спросил я.

Понсоменер всмотрелся, странно шурясь и прикрываясь ладонью от двух солнц.

– Кракеры, грибукеры и даже ангерцы. Обычные копатели могил, искатели чудо-цветков, редких жуков, зачарованных колец, браслетов... Они для нас не помеха. Если захотят ограбить, разгоним.

Рундельштотт отмахнулся.

– Не захотят. Они предпочитают получать дорогие вещи без всякого риска, просто выкапывая из могил.

Фицрой пробормотал:

– Да? А я слышал, что как раз самый большой риск у тех, кто раскапывает могилу...

Понс, ты раскапывал?

Понсоменер ответил равнодушно:

– Немного.

– Опасно?

– По-разному, – ответил Понсоменер.

– Но все-таки?

– Одна из двадцати бывает опасной, – сообщил Понсоменер. – Или даже из сорока. Но можно всю жизнь копать, находить сокровища и ни разу не нарваться.

Рундельштотт спросил задумчиво:

– А нарваться... это хорошо или плохо?.. Раньше думал – хорошо, сейчас вот уже лет семьсот как начал сомневаться...

– Стареете, мастер, – сказал Фицрой беспечно. – У вас и коленки хрустят, как у старого кузнечика.

Я ощутил озноб, Рундельштотт сказал так просто и равнодушно, словно речь о семи днях, поспешил заступиться:

– Это процесс не старения, а мудрения! Еще лет семьсот – и наш мастер станет мудрым, как сова на дереве.

Рундельштотт сказал саркастически:

– Ну спасибо! Вижу, какие у меня друзья.

– Мы вас чтим, – сказал Фицрой преданно. – Настолько, что сделали бы чучело и держали на самом почетном месте. А то вдруг утопнете по дороге в болоте, а у молодежи не будет наглядного светоча, на кого равняться и с кого брать пример в жизни и бою, хотя жизнь – это тоже вечный бой.

Понсоменер подождал, все такой же спокойный на спокойном коне и, вытянув длань, как полководец, указывающий, где заложить город, сказал бесцветным голосом:

– Вон за тем ручьем владения герцога.

– Откуда знаешь? – спросил Фицрой.

– Вкопаны столбы, – пояснил Понсоменер и указал вдаль и чуть в сторону, где никто из нас столбов не увидел.

Рундельштотт пробормотал:

– Так делают вообще-то редко. Видимо, у герцога свои порядки в землях. Будем ехать, ничего не нарушая.

– А как это? – спросил Фицрой живо.

Рундельштотт посмотрел на него предельно строго.

– Лучше не нарушать, – ответил он зловеще мягко. – Во избежание.

– Избегу, – заверил Фицрой испуганно. – Вы не поверите, мастер, но я такой избегун!.. Особенно когда речь о моих обязанностях, они с ума сошли, что ли...

Понсоменер, как обычно, когда обнаруживает что-то интересное, снова остановил далеко впереди коня и ждет, ровный и неподвижный в седле, даже не повернул голову.

Мой конь поравнялся с ними и приветливо ржанул, Понсоменер молча указал вперед. Я присвистнул, в самом деле крепость, а не замок, целый город за высокой крепостной стеной, а вокруг стены еще и земляной вал с широким рвом, наполненным водой.

Мост широкий, но деревянный, такой легко разрушить с их стороны, если завидят приближающиеся силы противника.

Что сразу бросается в глаза – донжон массивный и широкий, всего в два этажа, а из крыши вырастает чудовищно высокая башня красного кирпича. Шириной, как мне показалось отсюда, не больше чем в одну комнату, но даже трудно представить, словно нужно карабкаться на самый верх человеку, привыкшему к удобствам.

На вершине башни смотровая площадка, ограниченная высоким барьером, а из ее середины вздымается еще и медленно сужающийся к вершине шпиль из серого гранита.

А там на самом верху гордо трепещет знамя герцога. Я вытащил бинокль и, с трудом поймав скачущее в стороны изображение, рассмотрел с одной стороны шпиля металлические скобы, вмурованные между камней.

На площадке расхаживает часовой, места достаточно, шпиль у основания не шире, чем толстое дерево, а ввысь сужается и сужается, так что на верхушке истончается до толщины древка лопаты.

Все рассматривали крепость молча, наконец Фицрой спросил нетерпеливо:

– И какой план у нашего мудрого с сегодняшнего дня и даже как-то странно миролюбивого командира?

– Действуем по обстановке, – изрек я мудро.

Он переспросил:

– Здорово, но... как? Нападем? Или пусть они нападут сами?

– Сперва вступим в отношения, – сообщил я, Фицрой в изумлении вскинул брови и нагло заулыбался, я прикрикнул строго: – Но-но! Не давай волю фантазии. Вступим в дипломатические отношения. Как и положено. Но сперва представимся.

– А-а-а, – протянул он разочарованно.

Я указал на центральную башню замка.

– Как тебе тот флаг?

– Хорош, – ответил Фицрой. – Символ власти и могущества. А что?

– Для начала уроним, – сообщил я. – Точнее, заставим склониться. Что значит – перед кем?.. Как только подцепят снова, собьем еще разок... А потом поздороваемся. Здесь люди простые, любят ясность и наглядность...

– В отношениях, – досказал Фицрой.

– Да, – согласился я, – в отношениях. Так что располагайтесь на отдых, не слишком длительный, а я пока попробую подготовить их к вежливому разговору.

Фицрой хохотнул.

– А в окна постреляешь?

– Это нехорошо, – укорил я мягко. – Что я, мальчишка, бросаться камнями?.. А вдруг кому пулей в глаз попаду?.. Только флаг! Флаг – это символ, а окна – просто окна. Такое категорически недопустимо. Лишать жизни нужно только с ясно осознанной и великой целью.

– Это да, – согласился он, – нечаянно убивать нельзя, сам знаю, все удовольствие испорчено.

– Вот-вот, – подтвердил я, – а человек создан для удовольствий, как утверждают демократы, потому их слушают больше.

Он вряд ли понял мое умничание, по лицу вижу, сказал в нетерпении:

– Значит, флаг, понятно. Одобряю. Если вон с того холма, достанешь?

Я ответил с полнейшим превосходством:

– Обижаешь.

– Тогда я сам понесу твой мешок, – предложил он с азартным блеском глаз. – А Понсоменер пока за старичком посмотрит.

Рундельштотт проговорил с угрозой в голосе:

– Ты о ком, существо?.. Что-то мне кажется, твоя кожа начинает зеленеть, а между пальцами, вон смотри, растут перепонки...

Фицрой невольно взглянул на руку.

– Мастер, я пошутил!.. Это у нас такой особый юмор, солдатский!.. Грубый, но изящный. С намеком... Дескать, говорю, что старик, а всякий видит орла сизокрылого! И с во-о-от таким клювищем!.. И когтями, когтями... чтобы разгребать всякое... в поисках жемчуга.

Он торопливо ухватил мой мешок, я не успел слова сказать, как уже с двумя, свой тоже цапнул, ринулся по склону вверх.

Рундельштотт крикнул в спину:

– Не задерживайтесь. А то у меня приступ вдохновения...

Фицрой оглянулся, выворачивая шею.

– Творить вино?

– А что еще творится с вдохновением? – спросил Рундельштотт.

Фицрой в муках дернулся назад, шагнул было вперед, остановился, я сказал сурово:

– У мужчины на первом месте долг! Вино, женщины и прочее – даже не на втором!

Он сказал со вздохом:

– Да понял-понял... Нет, сам понесу, береги дыхание. Понял, насколько я суровый и умеющий отказывать себе в простых человеческих радостях?

– Зато ради общечеловеческих, – утешил я. – Хотя общечеловеческими как раз и назовут потом те, что у всех общие и ниже пояса... Неси-неси, не развешивай уши! Меня слушать вредно.

На вершине холма десяток широко раскинувших ветви деревьев, кусты высокие, но редкие, Фицрой бережно опустил мешки в тени так, чтобы из крепости нас не увидел никто даже из дальнотзорных.

Я вытащил из мешка сложенную снайперскую, у Фицроя глаза расширились в восторге.

– Это... это другое, – сообщил он. – Побольше и... пострашнее!

– Чувствуешь, – одобрил я. – Тебе бы в поэты... Музичировать не пробовал? А рисовать?

– Поссоримся, – предупредил он.

– Да ладно, – сказал я миролюбиво, – какой из тебя музыкант...

Собирать несложно, лучшие умы человечества работали над упрощением конструкции, сошки хорошо раздвинулись и уперлись в мягкую землю, а я залег, широко раскинув ноги и всматриваясь в окуляр.

Спохватившись, Фицрой выудил бинокль, что в свернутом виде не крупнее двойной монеты, умело и подчеркнуто лихо разложил, расположился поудобнее рядом.

Подкручивать верньер не приходится, автоматическая настройка сама следит за резкостью изображения, а крестик прицела смещается, учитывая силу легкого ветерка слева.

– У меня все отчетливо, – доложил Фицрой. – Вот прямо готов протянуть руку и пощупать... каждый кирпичик вижу!

– Кирпичики он шупает, – буркнул я, – скажи честно, баб нет, смотреть не на кого.

Он ухмыльнулся.

– Так уж и нет! Просто еще не увидел.

– Плохой из тебя корректировщик, – сказал я. – Правда, из меня такой же снайпер... Ладно, начинаем.

Крестик покачивается из стороны в сторону, я выждал, поймал древко знамени в прицел и придавил пальцем скобу. Несколько секунд ждал, но знамя реет все так же гордо и надменно, стиснул челюсти и выстрелил снова.

Фицрой поинтересовался, не отрываясь от бинокля:

– Ну как?

– Пристреливаюсь, – ответил я. – Необходимый этап работы мастера.

– А-а, – протянул он, – а я уж подумал, промахиваешься.

– Я? – спросил я с изумлением. – С чего бы?.. Это же элемент игры! Снайперство – высокое искусство, а профессия киллера давно стала эталоном красивой жизни. Разве мы с тобой не искусствоведы в штатском?

Он проворчал:

– Ничего не понял.

– И не надо, – заверил я. – Освобождая головной мозг от всякой ерунды, готов туда складировать вечное, важное, ценное, что подороже.

Третья пуля ушла тоже мимо, но четвертая все-таки задела древко, я видел, как содрогнулось, а на державке слева появились глубокая канавка.

Приободрившись, я вручную ввел поправку, припал к окуляру, но тут древко под напором ветерка переломилось, но не повисло, а, красиво ныряя в воздушных волнах, пошло вниз.

Фицрой вскрикнул:

– А-а, знамя упало!.. Прямо на крыльцо донжона!..

– Правда? – спросил я. – Кто бы подумал? И чего это оно вот так раз и само...

– Дурное какое-то, – согласился он. – Или колдовство. Что теперь? Когда падает знамя – это дурной знак!

– Доставай вино, – велел я. – И не делай вид, что в твоём мешке был только бинокль.

Он ухмыльнулся.

– И как ты сумел заметить всего один бурдюк? Глазастый.

Я с удивлением смотрел, как он вытащил помимо небольшого раздутого бурдюка еще и две серебряные чаши с затейливой чеканкой.

– Хорошо живешь, – заметил я. – Удобства ему подавай. Сибарит. Изнежун!

– Если вся жизнь в переездах, – возразил он, – то почему нет?

Я смотрел, как лихо наполняет чашу до краев и, не пролив ни капли, протянул мне.

– Долго ждать?

– Не думаю, – ответил я. – Почти уверен, что знамя попробуют повесить снова. И сразу же, раз уж плохая примета.

Он налил себе, отпил чуть, но то и дело подносил бинокль к глазам и смотрел между кустами на далекую крепость.

Я осушил до половины, другой рукой нащупывая в мешке завернутое в чистую тряпицу вяленое мясо, по моей прикидке, успею плотно и неспешно перекусить, а Фицрой торопливым шепотом сообщал, что вот знамя подняли, все мечутся, как муравьи по горячей сковородке,

морды тупые, а глаза выпученные, идиоты вообще во всем видят дурные знаки, а это не дурной знак, а всего лишь дурная примета...

– Как насчет знатных? – поинтересовался я.

– Уже, – сообщил он. – Похоже, это они и велели принести другое знамя... так и есть, несут! Видишь, как я все продвигу?.. Ага, сунули молодым парням и чуть ли не пинками гонят их наверх, а у тех морды шире задниц...

Я дожевывал мясо, Фицрой торопливо сообщал, что молодые да шустрые уже взобрались на самый верх, один лезет по скобам на шпиль, вот уже почти привязывает...

– Пусть привязывает, – пробурчал я с набитым ртом. – Да покрепче.

– Ну сколько можно жрать!.. – сказал он в нетерпении. – Ты бы видел, как они боялись!

– А теперь?

– Не поверишь, повеселели!

– Решили, – предположил я, – что ветер сильный... Или древко червяки изгрызли.

– Их жуки грызут, – поправил он победно.

– Хорошо смеется тот, – пробормотал я, – кто стреляет последним...

Он сказал настойчиво:

– Вставай, кабан! И так все пожрал, сиротам не останется!

– У тебя, сиротки, – сообщил я, – скоро морда лопнет от нашей трудной жизни. Ладно, щас посмотрим...

Через оптический прицел хорошо видно, как красиво трепещет на ветру знамя, как ярко блестит под солнцем каменный шпиль. Я, еще когда жевал, обмусоливал новую идею и теперь молча лег, прицелился.

Фицрой следил жадно, а после выстрела сказал разочарованно:

– Снова мимо!

– Не скажи, – ответил я. – Посмотри ниже...

Пока он искал, на что смотреть, я выстрелил, целясь в то же место, не попал, но пуля легла на ладонь правее. Осколки камня брызнули во все стороны, красиво искрясь на солнце.

Фицрой охнул.

– Так вот ты куда...

– Понял?

Третья пуля смачно ударила в камень, брызнули мелкие крошки, превращаясь в облачко пыли. Шпиль вздрогнул, грузно просел, а затем рухнул, ударившись в барьер смотровой площадки. Обломки посыпались во двор.

Там началась суета, как жаль, крики не слышно. Кого-то прибило, кого-то покалечило, а когда камнепад закончился, народ начал с опаской высовываться из окон и дверей и, выворачивая шеи, с недоумением смотреть вверх.

Фицрой почти завизжал ликующе:

– Ты смотри, смотри на их рожи!.. Ох, и аппетит у меня сегодня будет. И счастливый крепкий сон.

– А как же без баб?

Он отмахнулся.

– Какие бабы, когда такое!.. Бабы все просто бабы, а здесь красота!.. Будешь еще?

– Надо, – ответил я со вздохом. – Культура согласных ведет, несогласных тащит мордой по земле, а то и по битому камню. Милосердие обязывает быть жестокими. Давай еще по чаше, а потом закончим...

Он разлил по кубкам вино, спросил неожиданно:

– Когда вернемся, чем займешься?

– В Дронтарию?

Он изумился:

– Разве мы теперь не дронтарцы?

– Океаном займемся, – ответил я серьезно. – А ты что думал?.. Нет, бабы подождут. У нас ситуация просто уникальная, не воспользоваться глупо... Понимаешь, в океане наверняка сотни и тысячи островов, больших и малых... Да что там островов, там могут разместиться десятки континентов!.. А кто первый, того и тапки. У нас земли может быть побольше, чем здесь у всех местных королей.

Он смотрел блестящими глазами, не сразу перевел дыхание.

– Ты... у тебя и размах...

– Не земли важны, – сказал я серьезно. – У кого земли, у того и закон. Можно сразу начинать выстраивать рай на земле!.. Ну, для начала посадить дерево познания Добра и Зла...

– Чего-чего?

Я отмахнулся.

– Да это шуточка такая. Имею в виду, не бороться с людьми, насаждая разумное, доброе, вечное, а попробовать с самого начала.

Он поинтересовался скептически:

– Людей где брать? Если из Дронтарии перевозить, то те уже привыкли к старым обычаям. Если местных... Кстати, а вдруг там на островах уже обитают, да еще такие, что нас порвут голыми руками?

Я пробормотал:

– Прибудем к их берегам, увидим, кто кого порвет...

– Ты наш миротворец, – сказал он в восторге. – Что-то мне гуманизм и твое человеколюбие нравятся все больше!

Я взял трубку прицела, одним движением отстегнув ее от винтовки, поднес к глазу.

На башне толпятся люди в богатых одеяниях, точно знатные глерды, а еще двое простых рабочих, тоже судя по одежке. Один держит в руках знамя, глерд объясняет ему что-то, тыкая пальцем в сторону изуродованной верхушки каменного шпиля.

Фицрой приложил к глазам бинокль.

– Ого... Ты прав, в самом деле попытаются поднять снова!

– Обязаны, – ответил я, – это же дело престижа. Ладно, пора напомнить, что с нами нужно разговаривать уважительно, а не.

– Давай, – сказал он ликуя, – люблю смотреть!

– Смотреть я тоже люблю, – буркнул я.

Я подождал, пока рабочий вскарабкается на заметно укоротившийся шпиль, а как только прикрепил там знамя, на этот раз крепко примотав древко веревками, я начал ловить в крестик прицела на этот раз не самое уязвимое место, а как раз самое надежное у основания шпиля.

Фицрой жадно смотрел, как я задерживаю дыхание и медленно нажимаю на скобу. В круглый экран прицела видно, как мощно и беззвучно брызнули осколки камня. Глерды, что смотрят с ожиданием вверх на рабочего, отшатнулись, кто-то присел, остальные трут глаза кулаками.

Рабочий в испуге сорвался вниз, вскочил и отбежал к барьеру, едва не перевалившись на ту сторону.

Фицрой сказал мстительно:

– Ну подстрели хоть одного!

– Рано, – ответил я, чуть сдвинув прицел на часть каменной плиты, что поддерживает шпиль. Целиться в толстое основание намного проще, я снова нажал на скобу и со злой радостью увидел, что не промахнулся.

Пуля разнесла камень в пыль, шпиль рухнул целиком, придавив одного из знатных. Глерды разбежались, но тут же вернулись и начали вытаскивать придавленного.

– Все, – сказал я, – возвращаемся.

Как только я собрал винтовку, Фицрой подставил раскрытый мешок и сказал бодро:
– Я понесу!.. Твой арбалет потрудился на славу. Он заслужил, чтобы его нес такой нарядный красавец, как я.

Глава 8

Рундельштотт и Понсоменер в тени раскидистого дуба живописно расположились перед расстеленной скатеркой на зеленой траве, рубенсы хреновы, жрут неспешно, но в три горла.

Увидев нас, Рундельштотт встрепенулся.

– Уже? – спросил он живо. – Садитесь, перекусим вместе. А то эта дорога прибавляет аппетита...

Я ответил отстраненно:

– Фицрой покушает за себя и за меня, в него все что угодно влезет. А я нанесу визит герцогу.

Понсоменер промолчал, а Рундельштотт поинтересовался:

– Благоразумно ли?.. Он подсылал к тебе убийц, теперь идешь к нему сам... Это как?

– Нужно торопиться, – ответил я. – Нас ждет море!.. А тут какие-то местные феодалчики расфеодалничались... Нужно как-то договориться, раз уж заехали по дороге.

– Ну да, – поддержал Фицрой, – случайно заехали.

– Вот-вот, – сказал я. – Спасибо, Понс.

Понсоменер вяло улыбнулся, а я поднялся в седло уже приготовленного им к дороге коня и послал в галоп по хорошо утоптанной дороге.

Крепость выдвинулась из-за холма и величаво поплыла навстречу, разрастаясь с каждым конским скоком, массивная, тяжелая и внушающая уважением размерами и толщиной стен.

Как только меня заметили со стены, я перевел коня с галопа на рысь, выпрямился с достоинством, а к воротам подъехал вовсе шагом. С верха стены меня с любопытством рассматривали из-за красиво выложенных умелыми каменщиками зубцов, что вообще-то существуют не для красоты, а для стрельбы из луков и как подставки для тяжелых арбалетов.

– Глерд Юджин, – назвался я, – требует к себе герцога Лонгшира.

На воротах грубо захохотали. Один крикнул звонким визгливым голосом:

– Требуется?.. Самого герцога?

Я ответил жестко:

– Ты, тупое ничтожество!.. Если герцог не выйдет ко мне для переговоров немедленно, то здесь я повешу всех, понял?.. А этот муравьиный холмик, который считаете крепостью, сровняю с землей!

На воротах умолкли, тихо посовещались, такого на их памяти еще не было, потом один сказал кому-то с той стороны стены:

– Пошли человека к хозяину. Тут что-то непростое. Да побыстрее!

Я остался ждать, минут через десять в воротах отворилась дверца, вышел, сильно пригитаясь, высокий и крупный человек, в добротной одежде вельможи, где золотые цепи и крупные звезды молча говорят о его высоком положении.

Не отходя от ворот, он выпрямился и рассматривал меня молча и враждебно.

Я покинул седло и, не выпуская повод, сказал вежливо:

– Герцог, мой разговор не для посторонних ушей ваших воинов. Отойдем чуть, если вы не против?

Он медленно наклонил голову, не сводя с меня испытующего взгляда.

– Так вы и есть тот самый глерд Юджин?

– Тот самый, – ответил я коротко.

Он пробормотал в некотором замешательстве:

– Не ожидал... Но меня предупреждали, что вы человек неожиданных решений.

Я наклонил голову, соглашаясь, он прошел со мной немного, оглянувшись.

– Уже не услышат. Если не будем орать.

– Мы не будем орать, – заверил я. – Мы глерды, приличия соблюдаем даже в неприличные моменты.

Он продолжал смотреть на меня испытующе.

– О вас рассказывают разное, даже небылицы... Но все равно не могу поверить, что вы явились вот так в одиночку.

Я покачал головой.

– Вы правы, что не верите. Мне армия не нужна, но я не мог отказать своим друзьям, великому чародею Рундельштотту и величайшему воину всех времен и народов Фицрою, а также некоторым... весьма необычным существам, кто сопровождают меня и помогают даже сейчас. И наблюдают за нами издали.

Он нервно дернулся, попытался взглянуть поверх моего плеча в сторону леса, но взял себя в руки, пробормотал:

– Весьма... разумно.

– Вообще-то, – сообщил я, – мы заехали к вам по пути, потому Фицрой предложил чародею Рундельштотту снести всю вашу крепость с лица земли, но тот честно признался, что его сил недостаточно. Может только обрушить башню над донжоном, она у вас настолько громадная, что сметет в падении все этажи до самого нижнего зала.

Герцог зябко передернул плечами.

– Это бесчеловечно! У меня там жена и трое детей!..

– Я велел не торопиться, – согласился я. – Разве что не вернусь достаточно быстро, тогда да, не жалко, пусть рушит все. Но все-таки жену и детей советую срочно убрать из крепости, иначе их гибель будет на вашей совести. Я предупредил, так что виноватым считать себя не стану, если вы вдруг наделаете глупостей...

Он ответил сдержанно:

– А я в том возрасте, когда глупости оставляют в прошлом.

– Прекрасно, – сказал я. – Значит, нам договориться будет проще. Еще раз, чтобы у вас не было иллюзий, сообщу, что за нами постоянно и неотрывно наблюдают мои люди. Если с вашей стороны будет нечто враждебное, они примут меры.

– Обрушат башню?

– Возможно, – ответил я, – или же пошлют гонца к ее величеству, а по ее повелению сюда явятся верные ей войска. Вы меня поняли?

Он проговорил медленно:

– Значит ли это, благородный глерд, что ее величество... пока не знает о вашем визите?

Я кивнул.

– Верно. Я не стал сообщать о вашем предательстве, скажем прямо. Иначе ее величество тут же выслала бы армию и сровняла здесь все с землей. Сейчас времена жестокие, глерд... Для вас не секрет, что грядет война?

Он дернулся.

– Предательство? О каком предательстве речь?

– А кто подослал ко мне убийц? – поинтересовался я. – Ладно, герцог, это дело личное, вам я лично не нравлюсь, но, кроме того, вас обвиняют в переговорах с Антриасом! А это уже государственное преступление. Карается, как во всех просвещенных и гуманных королевствах, четвертованием и развешиванием на крюках частей тела в разных районах столицы.

Он потемнел лицом, съежился, но собрался с силами и поинтересовался:

– Простите, глерд... но чем вызвано ваше странное миролюбие?

– Отвращением к убийствам, – пояснил я. – Ваше расхождение во взглядах с ее величеством легко ведет к вооруженной конфронтации, но я решил попробовать уладить дело миром. Вдруг получится?.. А чтобы вы понимали, что этот разговор не от слабости, я сшиб ваше знамя с башни. Когда те дураки продолжали упорствовать и пытались нацепить его снова, я раз-

нес вдрызг весь тот каменный флагшток. Могу и саму башню раздрызнуть, если сомневаетесь в моих словах.

Он потряс головой.

– Нет-нет, я хоть и сомневаюсь, но этого делать не нужно. Вы должны понять мою ошарашенность. Человек, способный сбивать знамя на вершине башни, обычно не ведет переговоры... Разве что о сдаче?

– Нет, – ответил я, – речь не о сдаче. Хочу понять мотивы вашей конфронтации и попыток убить меня. Хотя насчет меня, как догадываюсь, ничего личного, просто помеха у вас на пути.

Он дернулся, кому такое обвинение в подготовке убийства понравится, но взял себя в руки, герцог все-таки, а не трактирщик, произнес холодно и чопорно:

– Королева решила отнять у нас, верховных глердов, ряд привилегий, что передаются из рода в род!

– Глерд, – ответил я тихо, – вы же знаете, Антриас готовится вторгнуться в королевство! Как, по-вашему, должна действовать королева? Она просто вынуждена сосредоточить как можно больше власти в своих неженских, хоть и женских, руках. В мирное время одни законы, в военное – другие. Как и мы тоже то одни, то другие.

Он сказал хмуро:

– Верите, после войны ослабит хватку?

– Разумеется, – ответил я. – Это ее политика! Дать больше власти регионам, пусть все проблемы решают сами на местах. Так эффективнее. А вам кажется, Антриас свобод даст больше?

Он дернулся, посмотрел на меня с подозрением.

– На что вы намекаете?

– Разве намекаю? – спросил я жестко. – Я указываю, что Антриас вам пообещал различные свободы, на что вы как-то совсем, уж простите, неразумно польстились. Похоже, не знаете, что Антриас и своих лордов держит в кулаке, пискнуть не смеют!.. А чужим какие свободы?

Он сказал нервно:

– Если на то пошло, на таких больших территориях Антриасу придется договариваться с нами, а не пытаться подмять, как в своем королевстве!

– Это ошибка, – сказал я кротко, – но ладно, опустим. Вы человек чести, я уже наслышан. Я хочу удостовериться, намерены вы и дальше вести свою борьбу против ее величества либо же под угрозой полного истребления вас и вашей семьи обязуетесь перейти в лагерь ее величества и поддерживать все ее усилия?

Он высокомерно вскинул голову, глаза блеснули гневом.

– Что? Истребление всей моей семьи?.. Ее величество никогда не позволит себе такого!

Я кивнул, ответил кротко:

– Верно. Но такое позволю себе я.

Он дернулся.

– Что?

Я постарался говорить как можно более холодно и расчетливо:

– Можете не сомневаться, после этого нашего выяснения отношений сделаю все быстро и весьма качественно. От вашей крепости не оставим камня на камне. Разумеется, ваш род исчезнет из летописей королевства. Историю, как вы догадываетесь, надо время от времени переписывать. Это улучшает почерк, развивает фантазию и оттачивает яркие эпитеты. А делают это, кто бы подумал, победители... У меня есть все необходимые полномочия... для подобного переписывания на местах. Я не милосердная королева, герцог. Как вы догадываетесь, члены Тайного Совета, пусть и не все, полностью одобряют мою решительную неразборчивость. А вслух для успокоения народа нетрудно сказать, что здесь у вас все само зава-

лилось и всех поубивало. Для меня соврать, как и для вас, раз плюнуть через верхнюю губу. Мы же взрослые люди, не дети.

Он помолчал, взглянул на меня с ненавистью.

– Вы не оставляете мне выбора.

– Не оставляю, – согласился я. – Вы враг, герцог Лонгшир. Вы соблазнились на посулы короля Антриаса, ваши действия против ее величества преступны и злокозненны. Вам не нравится, как я себя веду? Вы предпочли бы сейчас на моем месте глерда Брандштеттера, главнокомандующего королевскими войсками?

Он запнулся, некоторое время боролся с собой, наконец проговорил с заметной неохотой:

– Вынужден согласиться, вы ведете себя крайне мудро. Глерд Брандштеттер не стал бы вести переговоры вообще, а начал бы осаду... Вы правы, ваше предложение в интересах королевы и всего королевства. Выгоднее заполучить меня на свою сторону, чем оставить на месте моей крепости руины и сотни трупов. В какой-то мере, глерд Юджин, я благодарен вам. Если, конечно, это политика ее величества...

Я покачал головой.

– Это ее политика, хотя она об этом случае не знает. Если договоримся, то о вашем предательстве... будем называть вещи своими именами, и не узнает. У всех бывают минуты слабости, на которых старается сыграть враг. Иногда это ему, увы, удастся.

Он смотрел на меня пристально.

– А что от этого получаете вы?

– Удовлетворение, – пояснил я.

– Глерд?

Я пожал плечами.

– За очень короткий срок я многих... как бы помягче, в общем, убил. Много, как шпиль на вашем донжоне... вздрызгнул. Слишком много! Если растянуть на годы, может быть, считал бы нормой. А так вижу, все можем встать в позу и не отступать из-за ложной гордости, что ведет к смертям и разрухе. Но для процветания королевства конфликты хорошо бы решать миром. Вот как я красиво пытаюсь сейчас.

Глава 9

Он посмотрелся на меня исподлобья, я чувствовал его нерешительность и сильнейшие колебания, наконец он перевел дыхание и произнес предельно церемонно:

– Глерд Юджин, я убедился, что разговариваю с очень благородным и великодушным человеком. Жестоким, но мудрым.

Я поклонился.

– Польщен...

– Ее величество, – сказал он, – должны быть счастливы, что ее трон поддерживают такие люди. Сказать по правде, я не считаю, что правление короля Антриаса лучше. Расчет лишь на то, что на таких огромных территориях он вынужден дать большую свободу глердам на дальних от его центра землях... Но вы меня переубедили.

– Тогда я выполнил свою задачу, – сказал я и поклонился. – Герцог...

– Погодите, – прервал он. – Могу пригласить вас с вашими друзьями в крепость? Чтобы закрепить наши дружеские отношения и чтобы вы уверились, что я отныне буду верен королеве?

Я всмотрелся в него снова, враждебность из него вроде бы ушла целиком, теперь лишь грусть, чувство потери, однако и рост некой уверенности в своем будущем. Или в правильности избранного пути.

– Можете, – ответил я. – Мои друзья останутся на своих местах, а я с удовольствием посижу немного с вами за вашим столом, выпью вина и поговорим о королевстве. Или о женщинах.

Он широко улыбнулся.

– Глерд, благодарю вас!

– Минутку, – сказал я, – надо предупредить моих друзей, что иду в гости и крепость рушить пока что не нужно.

Он спросил с пониманием:

– Вернетесь в лес?

– Зачем? – спросил я. – Мы же военные чародеи.

Он с непониманием смотрел, как я, не вынимая меч из ножен, потрогал рукоять, подвигал там что-то, а оттуда раздался громкий голос очень немолодого человека:

– Да, это Рундельштотт. Что там?

– Я схожу в крепость, – сказал я. – Но если не вернусь до ночи, можете ее снести с лица земли.

Голос Рундельштотта прозвучал несколько озадаченный:

– Да, конечно...

А еще донесся бодрый голос Фицроя:

– Камня на камне не оставим!

– Конец связи, – сказал я. – Ну что, герцог, пойдемте?

Он вздрогнул, посмотрел на меня дикими глазами.

– Если вы вот так переговариваетесь на больших расстояниях... то победа в любой войне... ваша!

– Не стану спорить, – ответил я любезно. – Хотя я не человек войны.

На воротах что-то прокричали вниз, а когда мы приблизились, изнутри распахнули обе створки. Во дворе несколько вооруженных копьями начали присматриваться ко мне очень внимательно, но с мест не сдвинулись.

Карелла права насчет богатств и могущества подобных удельных герцогов: просторный двор уложен широкими гранитными плитами идеально точно, ни одна травинка не пробива-

ется в щели, сам донжон высится как крепость в крепости – величественный и несокрушимый, уже не просто толстая башня, чем обычно являются донжоны, а центральное здание крепости, что медленно перетекает из укрепленного форпоста в роскошный дворец.

Даже вход расположен на первом этаже, широкий и с гостеприимно распахнутыми дверьми, я издали увидел просторный холл, пол из цветной мозаичной плитки, а когда мы с герцогом переступили порог, ощущение власти и могущества нахлынуло с новой силой. Здесь все, начиная от отделки стен и потолка, кричит о самых дорогих материалах и лучших мастерах.

Навстречу то и дело попадают слуги, просто челядь, иногда стража, пистолеты в обеих руках не спасут, если в тесных коридорах начнется яростная схватка, потому внимательно всматривался в лица, вслушивался в ощущения, нет ли за спиной у кого-то желания всадить в спину нож, но пока лишь сдержанное любопытство, традиционная враждебность к чужакам, а то и полное равнодушие.

Герцог еще в холле отдал какие-то распоряжения насчет обеда, и когда мы вошли в огромный роскошный зал, то едва сели за стол, как слуги по нетерпеливому взмаху руки герцога быстро-быстро начали носить со стороны кухни разнообразные блюда и расставлять на столешнице.

В центре поместили, естественно, большой серебряный кувшин, серебряные чаши с изумительно ажурными сценками охоты поставили перед нами и по кивку герцога тут же наполнили вином.

– Я не очень лажу с придворными, – сказал он, словно извиняясь, – слишком простые и недалекие, потому вы поймете, что я сейчас уцепился за возможность установить контакт с вами, человеком, заметным при дворе и которому явно доверяет ее величество. За ваше здоровье!

– За ваше, – возразил я. – Вы хозяин, и вы старше меня во всех отношениях. Насчет заметности при дворе... мне кажется, вы преувеличиваете. Мне двор не нравится. Я вообще стараюсь там не появляться. Разве что в случаях острой необходимости.

Он сделал большой глоток, взглянул на меня испытующе поверх края чаши.

– Но ее величество вас не любит отпускать, верно?

Я подумал, что даже в такой глуши народ в курсе интриг, сплетен и дворцовых слухов.

– Слухи...

– А еще ее величество, – закончил он, – подарило вам земли глёрдства Остеранского.

– Верно, – согласился я. – Только я пробыл там едва ли неделю. Не мое это дело, ваша светлость. Сейчас, кстати, я на пути к другому своему замку, что в королевстве Дронтария. К вам заехал по пути, тут не так уж далеко от нашей прямой дороги... Я рад, что недоразумения улажены. Все случившееся останется между нами. У ее величества и так хватает проблем и хлопот. А что улажено, то улажено.

Некоторое время мы ели хорошо прожаренное оленьё мясо, мелких и совсем мелких птичек, нежную рыбу совсем без костей и с вкуснейшим хрящиком вместо позвоночника, потом слуги так же молча и без лишних движений принесли всякого рода пироги, начиная с начиненных мясом и заканчивая медовыми и заполненными сладкими ягодами.

Я насыщался неспешно, всем видом показывая, что мне здесь уютно, хорошо, еда из лучших продуктов и приготовлена просто отменно.

Он поглядывал на меня испытующе, оба знаем, совместная трапеза укрепляет доверие друг к другу и даже создает некий мост, но уже на пирогах с медом со двора донесся стук копыт, коней не меньше десятка, громкие уверенные голоса, шум, конское ржание.

Герцог прислушался, сказал без особой радости:

– Мой младший брат Лерман. Молодой, но деятельный.

– Знакомо, – согласился я. – Пока свободой горим, пока сердца для чести живы... Обычные забавы с пьянками и доступными женщинами не устраивают?

Он криво усмехнулся.

– Нет. Он еще не верит, что мир давно поделен. Любая попытка что-то в нем поменять может улучшить и ухудшить, но второе намного вероятнее.

– Особенно, – снова согласился я, – если менять берутся молодые, горячие и честные.

Он взглянул с любопытством.

– Но вы тоже молоды. Еще моложе моего брата. Но вы осторожны, остальные молодые могут назвать ваше поведение, уж не обижайтесь, трусостью.

– Сам так называл, – ответил я. – Я же понимаю, все, кто думает не так, как мы, дураки набитые. И обязательно тупые и ничего не понимают.

Вошли молчаливые и вышколенные слуги, быстро и аккуратно зажгли свечи у входа, а потом и вдоль стен всего зала. Вечер, оказывается, уже наступил, я за ужином и не заметил, что значит, он оказался совсем не таким напряженным, как мне чудилось.

Слуги исчезли, тихие, как тени, а в зал быстро и шумно вошел, почти вбежал, высокий воин в доспехах, несколько щеголеватых, но добротных и прекрасно подогнанных, шлем на сгибе локтя левой руки, а правой на ходу придерживает на боку ножны с торчащей рукоятью меча.

Вперив в меня взгляд огненных глаз, он даже остановился, посмотрел на герцога с гневом и возмущением.

– Брат! – вскрикнул он таким голосом, что больше пристало бы на заполненной народом площади. – Что я вижу?.. Мне во дворе сказали, что у тебя за столом презренный прислужник королевы?

Герцог нахмурился, бросил на меня виноватый взгляд.

– Лерман, – сказал он резко, – если хочешь сказать нечто мне лично, у тебя будет время.

– Я говорю сейчас! – вскрикнул воин.

– Если готов разделить с нами трапезу, – сказал герцог настойчиво, – переоденься и приходи к столу.

Воин вздернулся, словно его ударили снизу.

– Что-о? – вскрикнул он. – Брат, что ты говоришь?

Герцог произнес еще резче:

– Лерман, умолкни. Ты чересчур горяч, твой язык говорит раньше головы. Глерд Юджин – мой гость, он в неприкосновенности. Кроме того, нам стоит осмыслить лучше наши перспективы и пересмотреть наше отношение к происходящему в королевстве.

Лерман бросил ладонь на рукоять меча, но откуда ни возмись появились рослые стражи с копьями в руках и, загородив нас, выставили перед собой блестящие острия.

Лерман посмотрел на них неверящими глазами, перевел взгляд на герцога.

– Неужели ты изменил нашим светлым мечтам? – вскрикнул он. – Неужели... Как ты мог, брат? Чего ты испугался?

Герцог сказал резко:

– Меня ничего не страшит. Но я не хочу и не позволю себе делать ошибки. Наша задумка, как сам знаешь, была не слишком... продуманной. Мы учли далеко не все.

– Что не учли? – вскричал Лерман.

– Что у королевы, – ответил герцог сухо, – могут быть не только войска. Доводы в ее пользу мы даже не рассматривали, верно? А это не совсем правильно, брат. Это несправедливо.

Лерман вскрикнул:

– Что? Она узурпатор наших свобод и прав!

– Лерман, – сказал герцог, морщась. – Давай отложим этот разговор.

За спиной брата герцога появлялись еще вооруженные люди, на этот раз из его дружины, вижу по их лицам.

Я чувствовал его лютую ненависть и жажду убить, но она идет только от него, а остальным, как чувствую, все по барабану. Велят убить – убьют, велят не трогать – не тронут.

Чуть повернувшись в кресле, я изготовил ладони, даже пальцы согнул, чтобы в момент появления пистолетов сразу ударили по спусковым скобам.

– Лерман, – повторил герцог предостерегающе, – я приказываю тебе, вернись!

Лерман вскричал:

– И не подумаю! Взять этого королевского прихвостня!

Его люди, обнажив оружие, бросились ко мне, однако герцог вскочил так резко, что едва не опрокинул стол, а чаши покатались по столешнице, проливая вино на белую скатерть.

– Назад! – крикнул он громовым голосом. – Это мой дом и мои правила!.. Я буду защищать своих гостей, как себя самого!

Воины остановились в замешательстве, одно дело – сразиться со мной, другое – поднять оружие на самого герцога в его доме.

Лерман закричал, как раненый зверь:

– Брат!.. Как ты можешь?.. Ты принимаешь врага за своим столом! И ты готов драться со мной?.. Твоим братом?

– Это ты готов драться, – холодно отрезал герцог. – А теперь уходи. Ты слишком... горяч. Поговорим, когда успокоишься. Ты не просто брат, а младший брат!

Лерман крикнул:

– Я никогда не успокоюсь!

– Но остынешь, – сказал герцог. – Тогда поговорим. Горячность должна стоять за умом, а не впереди.

И не вместо, договорил я мысленно. У этого братца ума не больше, чем у божьей коровки, что вообще-то хищный жук, несмотря на мирное название.

Лерман, не вкладывая меч в ножны, отступил на шаг, ожег меня ненавидящим взглядом.

– Мы еще встретимся!

– Возможно, – ответил я кротко.

Герцог провожал их взглядом, пока младший брат с его людьми не вышли из зала, бросил меч в ножны и тяжело опустился в кресло. Лицо его стало мрачным и озабоченным.

– Соболезную, – сказал я негромко.

Он повернулся, лицо все еще злое и несчастное, в голосе прозвучала боль:

– Простите его горячность.

– Пустяки, – ответил я сдержанно. – Я им даже люблюсь. Сам таким бываю. Но у меня теперь не только меч, как вы уже поняли. Потому стал таким осторожным, самому противно. Не за себя осторожным, просто теперь мне лучше не ошибаться... а как – не знаю. Вот и решил, лучше поменьше резких слов, резких движений...

– Мудро, – согласился он. – Хорошего не сделаете, а навредить и без вас смогут.

– Мир таков, – согласился я, – навредить – это наше все. Позвольте, я вам налью? Да и себе заодно.

Глава 10

Не дожидаясь разбежавшихся слуг, я поднял упавшие чаши и наполнил обе из с трудом устоявшего на столешнице тяжелого кувшина.

Герцог ухватил свою и припал к ней так жадно, словно путник в жаркой пустыне. Я сделал пару глотков, в самом деле после такой встряски организм требует что-то такое вот, хорошо пошло, покосился на герцога.

– Держитесь, – посоветовал я осторожно. – Вы старше и опытнее нас обоих.

Он тяжело вздохнул.

– Вы правы, все мы такими бываем, как вот Лерман... в ранней молодости. И я таким был. Но вы уже выкарабкиваетесь, а вот он все еще в том бездумном детстве, хотя у него свой замок, земля, жена и ребенок...

– Отправьте его в свои владения, – посоветовал я. – Там явно не все в порядке. Как и везде. Когда станет разгребать, то на всю жизнь увязнет.

Он покачал головой.

– Он за справедливость.

– А в его землях все справедливо? И в замке?

Он невесело усмехнулся.

– Ему нужна всеобщая справедливость. Во всем королевстве.

– Самые чистые люди, – сказал я, – проливают больше всего крови. Во имя счастья и справедливости. Спасибо, вино было отменное! А за блюда передайте поварам мою благодарность.

Он поднялся из-за стола вслед за мной, рослый и красивый в своем печальном достоинстве.

– Я провожу вас за ворота.

– Опасаетесь необдуманных поступков брата?

– Так... на всякий случай.

– Мне кажется, – сказал я, – вы для него авторитет...

– Да, – согласился он, – но хуже не будет. Мы с вами не друзья, но уже хорошие знакомые. Так что мне по рангу проводить вас никаких нарушений, никакого уничтожения.

Мы вышли из зала, коридор неширокий, но длинный, я держался все же настороже и сразу услышал шум и топот множества ног за нашими спинами.

Из темного бокового прохода выбежали люди в доспехах и с ножами в руках, двое с топорами.

Герцог вскрикнул:

– Стоять!.. Кто смеет в моей крепости...

– Я, – ответил знакомый голос, – брат, мы сделаем то, что не решился ты... Во имя чести и свободы!

Я отпрыгнул, в обе ладони впечатались холодные рукояти пистолетов. Трое бросились, держа меня взглядами и мешая друг другу, я дважды выстрелил, отступил.

Лерман закричал яростно:

– Убейте его!.. Просто убейте!

Герцог крикнул громовым голосом:

– Не смей!

Он выхватил меч и загородил меня, а первого же отважного, что пытался проскочить мимо, свалил мощным ударом в голову. Но закованные в доспехи воины, не трогая его, проскакивали под стенами справа и слева.

Я отступил еще, непрерывно стреляя, оглянулся. Вдали за другим поворотом тоже шум и звон оружия, я ринулся туда со всех ног, а когда выскочил в зал, сердце сжалось в ужасе.

Выходную дверь перекрыла дюжина арбалетчиков, а при виде меня почти синхронно подняли упертое в пол свое ужасное оружие и приложили приклады к плечам.

Петляя, как перепуганный заяц, я ринулся вдоль стены к лестнице, к счастью, широченная, помчался наверх, прыгая через две ступени, но даже там бросался из стороны в сторону.

Несколько арбалетных стрел злобно вжикнули и со звоном ударились в камни, высекая искры. За мной, почти не отставая, помчался Лерман с обнаженным мечом в руке, а с ним полдюжины воинов с копьями в руках. Страшась, что кто-то швырнет вдогонку копье или топор (это же сбить меня с ног, а так все решается в одно мгновение), я развернулся и встретил их яростным огнем, стараясь не задеть Лермана.

Он было остановился, видя, как падают убитыми его люди, потом заорал и ринулся, как бык в слепой ярости. Почти автоматически я всадил две пули ему в живот, в моей стране смертельными считаются только пули в голову, а в живот – останавливающими, но запоздало сообразил, что здесь не там...

Мелькнул второй этаж, третий, но я взлетел, задыхаясь, на четвертый, увидел под стеной лестницу, что ведет к потолку, побежал к ней.

За спиной раздался злобный рев, арбалетки тоже, оказывается, бегают быстро. Я торопливо поднимался по деревянным ступенькам, те идут по спирали выше и выше, дыхание начало разогревать грудь, наконец накалило горло так, что вот-вот смогу плевать огнем, а ноги налились свинцовой тяжестью.

Когда же конец этой заразе, мелькнула тоскливая мысль: никогда не пользовался высокими лестницами, ноги с непривычки ноют и отказываются слушаться.

– Перекур, – прохрипел я опаленным ртом и хотел было прислониться к стене, но коленки задрожали, и меня опустило на ступеньки.

Голоса снизу все громче, и не похоже, чтобы кто-то запыхался, переговариваются так ровно, словно не бегут со всех ног, а спокойно идут по двору.

Из-за поворота снизу вынырнули сразу двое, бегут быстро, ровно, ничуть не запыхались, тренированные. Я с трудом поднял тяжелые, как двухпудовые гири, пистолеты.

Руки трянуло, на ступеньках стало чисто, только слышно было, как внизу зло орут под упавшими на них телами смертельно раненных соратников.

Некоторое время пытались прорваться всякие несообразительные, я даже не ловил в прицел, всего пять шагов, остальных скрывает винтовая лестница.

Трупы усеяли ступеньки в видимой мне части, заливая камень кровью. Внизу голоса становились громче, чувствуется, снизу прибывает подкрепление, я кое-как заставил себя подняться и потащился вверх, но ступенек через сорок за спиной снова грохот настигающих ног, звон металла и голоса.

Я уперся спиной в стену и, развернувшись, открыл стрельбу. Двое рухнули, остальные поспешно отступили за поворот – быстро учатся. Я вздохнул и потащился наверх снова, стараясь ступать как можно тише, пусть думают, что все еще жду там внизу с двумя арбалетами в руках, что поменьше и посмертоноснее.

Ничего подобного, то ли слышали, то ли их подгоняют приказами снизу, но опять топот ног, звон металла. Я остановился, дыхание рвется из груди с хрипами, один пистолет уронил на ступени, тяжелый, гад, со второго выстрелил трижды и, не дожидаясь, пока там отступят, потащился наверх.

Ступеньки наворачиваются по спирали просто бесконечно, какая-то Вавилонская башня, я тупо заставлял тяжелые ноги подниматься, втаскивал на них все тело, и так выше и выше.

Голова уперлась в твердое, сперва не понял даже, пощупал – ага, вот кольцо люка, уперся, тот поднялся, и в лицо ударил свежий ночной воздух.

Я выполз на площадку на дрожащих руках и ногах, снизу нарастает, быстро догоняя, торжествующий рев. Во все стороны залитая, словно парующей кровью, лунным светом каменная площадка башни с укороченным шпилем, а за нею враждебная чернота ночи.

Огромная красная луна почти над головой, так и хочется пригнуться, но я, напротив, с трудом воздел себя на ноги, сердце сжалось, обреченно понимаю, я в ловушке, это просто чудовищно высокая башня...

За спиной хлопнула крышка люка. Люди полезли даже не один за другим, а сразу по двое-трое, выбираясь по разные стороны отверстия.

Стиснув челюсти, я открыл пальбу, не особенно прицеливаясь. Кто-то падал прямо здесь, кто-то завис на краю, другие упали обратно, наверняка еще и сшибли кого-то.

После короткой паузы из люка на этот раз полезли двое с арбалетами в руках. Я выждал, когда поднимутся выше, выстрелил дважды, оба рухнули... И тут же острая режущая боль ударила в живот. Я охнул, успел увидеть на самом краю люка арбалет и голову, там третий, схитрил, выстрелил сразу, как только приподнялся над уровнем пола.

– Сволочь, – прошипел я, меня корчило от боли, – сволочь...

Ноги подгибаются, слева мелькнула тень, я резко развернулся уже с пистолетом в руке, но справа мелькнуло, и тут же в бок ударила резкая боль, разрывающая мышцы и ломающая кости.

Садануло с такой силой, что я выпустил пистолет, инстинктивно ухватился за пораженное место. Из бока, где у нас отрастают элегантные французские ручки, торчит грубый кончик арбалетной стрелы.

Щелкнуло еще дважды, острая боль резанула в груди. Я грохнулся навзничь, еще одна арбалетная стрела вжикнула надо мной. Как только начал приподниматься, из люка выскочили трое, один приложил к плечу приклад арбалета, двое с боков, чтобы не мешать, ринулись ко мне.

И снова я не успел ничего, стрела саданула в солнечное сплетение, выбив дух. Пистолет возник в моей ладони, но дикая режущая боль не дала его удержать, я отступил на подгибающихся ногах.

Противники прыгнули и повисли на моих плечах, заламывая руки. От люка кто-то закричал страшным голосом:

– Не брать живым – убейте!.. Убейте сразу!

Я узнал голос герцога Лонгшира. Значит, его любимого брата я все-таки уложил насмерть. И теперь он, герцог, мстящий за брата, лютый враг мне и королеве.

Из последних сил я вырвался из цепких рук и, перевалившись через край, рухнул в темноту ночи.

«Портал, – взмолился я изо всех сил, – портал!.. Спасение, портал!.. Спасти... я не могу погибнуть, не могу, я же центр и сердце вселенной...»

Глава 11

С закрытыми глазами на изумительно мягком и удобном ложе сказочно удобно, в черепе туман, никак не могу осмыслить, как оказался здесь. Помню, пронзенный стрелами, завизжал всеми фибрами моей трусливой души, что пропадаю, а-а-а-а, спасите, страстно возжелал оказаться в уюте и безопасности, и, значит, мой организм при таком диком стрессе сумел взять новый рубеж или новую высоту и перебросил меня сюда. Без всякого Зеркала Древних.

Все правильно, нет более безопасного для меня места, чем мой уютный и защищенный дом. Раньше на такое перемещение не хватало ни сил, ни умения, но даже сейчас чувствую, как жадно черпаю из необъятного океана, в котором плавают даже не галактики, а вселенные, что как мелкие пузырьки в необъятном и безбрежном озере... да плюс известный феномен ресурсной базы организма, когда уstraшенный и на краю гибели показывает чудеса и мобилизует все-все, лишь бы спасти свою шкуренку, ценнее которой нет ничего на свете.

Вообще-то, если честно, был уверен, что сумею, потому и убрал Зеркало Древних, чтоб никто посторонний по уму или по дури не сунулся, только полагал, что путь будет долгим, трудным и по мелкому шажку, но иногда, как вот в этом случае, дуракам просто везет...

Если получилось сюда, то и обратно смогу... наверное. Во всяком случае, кое с кем надо свести счеты. А еще Рундельштотт с Фицроем и Понсоменером ждут в лесу у костра.

Мысли путаются, Аня засадила многовато обезболивающего, в мозгу всплывают и гаснут странные картины, такие никак не возникнут в черепушке здравомыслящего, дескать, вот так можно передвигаться даже по планетам... да что там планетам, по самым дальним звездным системам, даже в удаленные галактики, а то и за края вселенных...

Вдали и одновременно как будто в моей голове прозвучал голос:

– Милый... Ты меня слышишь?... Приборы показывают, медленно всплываешь из сна... твои грезы гаснут...

– Говно всплывает, – прошептал я непослушными губами, – а я золотой ключик...

Со стороны кухни донесся плеск воды, ах да, я же сам велел Ане вымыть посуду вручную и вытереть полотенцем до хрустального блеска, это сейчас она моет и трет, моет и трет... У живой это заняло бы с полчаса, а у Ани на это уйдет минуты полторы, так что надо вспомнить, что я сказал еще и на каком моменте расстались.

Но вместо этого провалился в темноту... где долго плавали цветные пятна, слышались голоса, наконец я ощутил, что глаза мои открыты, а надо мной угрожающе зависло ее громадное, как луна, лицо.

– Что, – прохрипел я. – Что... Как было? Аня, расскажи, как это произошло...

Она ответила заботливым голосом:

– Не знаю!.. Получила сигнал, увидела тебя в луже крови!.. Прибежала, остановила кровотечение, убрала эту ужасную стрелу... Как ты мог? Ты что делаешь?.. Да пошел ты отсюда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.